

Речь Президента Шимона Переса, произнесённая в немецком Бундестаге.

Свою историческую речь Шимон Перес начал с молитвы Кадиш по жертвам Холокоста. Говорил президент Израиля на языке своего государства — на иврите. С трибуны Бундестага он в своей волнительной речи напоминал о страшных преступлениях, совершенных фашистами, которые никогда не должны повториться. Он обратился к немцам с просьбой продолжить преследование преступников, осуществлявших эти злодеяния. Перес в своей речи требует от Германии и от всего мира способствовать тому, чтобы живые поныне нацистские преступники предстали перед судом. «Я прошу вас, сделайте все, чтобы этих преступников постигла заслуженная кара». Дело не в мщении, а прежде всего, в обращении к молодому поколению. Молодёжь должна знать и помнить об этом, ни в коем случае не забывать. «С каждым днём в мире остаётся всё меньше переживших организованные нацистами убийства евреев, — сказал Перес, — И вместе с тем, на земле Германии и в других частях Европы до сих пор живут люди, которые занимались самым страшным преступлением всех времён — уничтожением народа». Перес в своей речи упомянул об учреждении Международного дня памяти погибших в Холокосте. «Когда в 1945-м году, войска освободили лагерь уничтожения Аушвиц, кровь и пепел покрывали лагерь Аушвиц-Биркенау. Здесь стояла мёртвая тишина. В месте ужасного убийства стояла зловещая тишина», — напомнил Перес. Этот день освобождения был объявлен ООН Международным днём памяти Холокоста. «До сих пор Холокост предъявляет нам вопросы», — сказал Перес.

«Насколько зол может быть человек? Как можно было парализовать целый народ? На какие ещё страшные поступки способен человек?» 86-тилетний Шимон, рассказал и о своих личных переживаниях, о смерти своего дедушки, которого он глубоко чтил. «Всегда оставайся евреем», — сказал ему при последней встрече дедушка. Позднее нацисты загнали его в синагогу и сожгли вместе с другими, находившимися там людьми. «Как еврей я всегда ношу с собой печать боли об убийстве моих братьев и сестёр», — сказал Перес. «Холокост должен всегда стоять, как предупредительный знак, перед глазами людей. Никогда больше и ничто не должно привезти к расовому уничтожению или к оправданию ненависти со смертельным исходом. Чтобы избежать повторения Холокоста, мы обязаны воспитать в наших детях любовь к человеческим жизням и сохранять мир с другими государствами. Молодое поколение должно научиться уважать каждую культуру и с уважением относиться к ценностям других культур. Самым важным призывом является: «никогда более»... Шимон Перес явился третьим израильским Президентом, после Эзера Вайцмана и Моше Кацава, выступившим с речью в Бундестаге. Немецкий парламент ежегодно отмечает день памяти Холокоста, куда приглашаются самые важные политические деятели и деятели культуры.

Президент Германии в своей ответной речи сказал: «Мы, немцы, несём историческую ответственность за существование Израиля». Перец, который проводил в Германии трёхдневный официальный визит, в своей речи упомянул о дне создания нашего государства. «Нашим убитым братьям и сёстрам мы создали живой памятник с лабораториями, которые открывают новую жизнь, с новейшим оружием, которое обеспечивает нашу безопасность, и с бескомпромиссной демократией» — сказал Перес. «Когда моё сердце разрывается при думах о страшных деяниях Холокоста, я всё же гляжу в будущее, где люди существуют без ненависти и дискриминации и где слова ВОЙНА и АНТИСЕМИТИЗМ не существуют».

Подготовил Гиль (Юрий) Кремер

ДА ВОЗДАСТЯ ВАМ!

1 сентября 1939 года. Этот день навечно вошёл в историю человечества как день начала Второй Мировой войны, приведшей к гибели десятков миллионов людей во всем мире. Человечество вступило в одну из самых кровопролитных страниц своей истории. Война длилась 2076 дней и коренным образом изменила мировой порядок.

Судьба еврейского народа в этой войне продолжила историю преследований и гонений и в то же время подтвердила неоспоримый факт невиданного по силе творческого созидания и несгибаемого духа еврейского народа. До сих пор не исчислены до конца трагедии. Война принесла еврейскому народу неизбывные страдания, колоссальные невозвратные потери. Утрата целого мира самобытной культуры еврейских общин, местечек, семей останется незаживающей раной народа. А тем, кому посчастливилось выжить, не избыть из памяти бесчисленные страдания, муки голода, страха, нечеловеческих испытаний, которые сопровождали их на протяжении всей войны и не оставляют их души в мирное время, сколько бы лет ни прошло с тех страшных времен.

И все-таки – еврейский народ жив. А его палачи повержены. Жертвы увидели их позорную кончину. Но пепел погибших несмолкаемым колоколом звучит в душах живых.

В редакцию нашего журнала «Судьбы холокоста» идут письма, в которых люди рассказывают о том, что невозможно забыть. Невозможно и непростительно до тех пор, пока витает над человечеством дух антисемитизма и ненависти. Письма по интернету, но чаще всего – на бумаге, отчаянно, откровенно, авторучкой или даже карандашом – обо всем, что жжет душу. Бывает – просто звонок. И за стеснительным «здравствуйте» – взволнованный рассказ о пережитом, о потерянном, о погубленном, о незабвенном. Кровь леденеет, когда читаешь о тех испытаниях, которые пришлось пережить людям. Поведать об этом всем, кто не помнит, кто стремится похоронить память под обломками времени, кто пытается отрицать все мерзости и преступления холокоста – первейшая обязанность, святая цель нашего журнала. Не менее важно для нас раскрыть перед новым поколением правду о героическом вкладе еврейского народа в дело победы над фашизмом. Очистить истину от досужего штампа махрового антисемитизма, от ложных наветов, будто евреи отсиживались всю войну в глубоких безопасных «ташкентских» тылах. Достаточно хотя бы одного из неисчислимых фактов: в книге «Памяти павших» – неоспоримые официальные данные из Центральных архивов Министерства Обороны РФ сообщают, что на май 1945 года в действующей армии было в строю 201 тысяча евреев. И это не считая того неоценимого вклада, которые внесли евреи –ученые в дело обеспечения армии новейшими видами военной техники, сокрушительной для врага. Это не считая участия евреев в партизанских отрядах, подрывающих мощь врага и превративших глубокий тыл фашистов, хозяйствавших на захваченных территориях Европы, в огненную землю для захватчиков.

На страницах нашего журнала многократно повествуется не только о жертвах войны, но и о героическом сопротивлении фашистскому нашествию, в котором еврейский народ принял неоспоримо значимое участие. Живым и радостным подтверждением этому в наши дни служат те, кого вся наша страна Израиль поздравила в майские дни с праздником Победы и С Днем независимости Израиля – наши Ветераны.

Да воздастся вам, дорогие наши ветераны, за ваш честный ратный труд, за подвиги ваши, за каждый час, каждый день участия в этой проклятой войне, да воздастся вам в полной мере счастья, здоровья, радостного и жизнедеятельного долголетия, да воздастся вам любви, признания и благодарности от всех, кто обязан вам своей свободой и мирной жизнью. Низкий вам поклон от всего народа.

Людмила Барановская
Автор и руководитель проекта «Судьбы Холокоста»

Автор и руководитель проекта

«Судьбы Холокоста»

Главный редактор

Людмила Барановская

054-5289092

.....

Исполнительный редактор

Тамара Кримонт

Студия дизайна

KR DESIGN

на обложке -
МЕМОРИАЛ ВОИНАМ ЕВРЕЯМ,
г. Бат-ЯМ,
Автор фото: ЭЛЬГАРД ЗИНГЕР

СОДЕРЖАНИЕ

Павло Тычина

ЕВРЕЙСКОМУ НАРОДУ

Народ еврейский! Славный!

Утешать

тебя не стану: слишком час не-
истов...

Когда пришла минута погибать
сынам твоим от обуха фаши-
стов, —

хочу твою я силу воспевать —
твой дух бессмертный, мужест-
венный, чистый!

ПАМЯТЬ

2 стр.

РЕЧЬ ПРЕЗИДЕНТА ШИМОНА ПЕРЕСА,
ПРОИЗНЕСЁННАЯ В НЕМЕЦКОМ
БУНДЕСТАГЕ.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

3 Стр.

ДА ВОЗДАСТСЯ ВАМ!

СУДЬБЫ

6-13 Стр.

СТРУДЕЛЬ ДЛЯ СВАДЬБЫ

ПАМЯТЬ

14-19 Стр.

«И ДОЛГО ВИТАТЬ НАД ЖИВУЩИМИ
БУДЕТ УЛЫБКА МОЯ» (ОКОНЧАНИЕ)

ПРАВЕДНИКИ МИРА

20-23 Стр.

ЖЕНЩИНА, СПАСША 2500 ДЕТЕЙ

24-25 Стр.

РУССКИЙ СПАС

СУДЬБЫ

26-27 Стр.

С НЕВЕСТОЙ МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ В ГЕТТО

28-29 Стр.

ХАЙМ-ЗАМВЛ, А ГИТЕР ИД ИЗ РЕЗИНЫ.

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

30-31 Стр.

ДЕТИ ТРАНСНИСТРИИ

32-35 Стр.

ОТ ЭТОЙ БОЛИ СПАСАЕТ ТОЛЬКО СМЕРТЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЮ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

36-37 Стр. ТРИ РАССКАЗА ОТ ЧАСТНОГО ДЕТЕКТИВА
ЕФИМА КАПЛУН

ГЕРОИЗМ

38-40 Стр. МЫ НЕ БЕЗМОЛВНЫЕ ЖЕРТВЫ

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

41-42 Стр. О НАШЕМ ЛЮБИМОМ И ДОРОГОМ

«МАЙН ШТЭТАЛЕ»

43 Стр. СВЯТОЕ РЕМЕСЛО

ПЕСНИ ПАМЯТЬ БЕРЕГУТ

44-45 стр. «БАБИЙ ЯР»

БИБЛИОТЕКА

46-49 стр. «ЕВРЕИ, ИУДАИЗМ, ИЗРАИЛЬ»
(ГЛАВЫ ИЗ КНИГ. ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

50-55 Стр. 1. НАШ ОТВЕТ ГИТЛЕРУ
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

2. «ВСЕ ЛИ Я СДЕЛАЛА?»

3. БЛАГОДАРНОСТЬ ИЗ АМЕРИКИ

4. КОГДА ГОВОРЯТ ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ

5. ПЛАНЕТА ЕВРЕЙСКОЙ СКОРБИ

6. КАФЕ

Александр Берлянт
«Я молча на колени встану...»

Я молча на колени встану,
Припомнив все наперечет –
Эпохи, города и страны,
Где похоронен мой народ.

Его громили, гнали в землю
Из роскоши, из нищеты,
И эти судьбы я приемлю
И всякий раз кладу цветы.

Седые или молодые,
На склоне лет, в расцвете сил,
Мои друзья, мои родные,
Я их любил и хоронил.

Судьбу поставивши на карту,
Об стену расшибая лоб,
От преждевременных инфарктов
Они сегодня сходят в гроб.

И вновь встают сквозь стены гетто
Их погребенные мечты
На грани голубого света
И запредельной темноты.

И эта вековая участь,
Могильник плит тяжелый гнет,
Она гнетет меня и мучит,
И за собой ведет и учит,
И жить мне силы придает.

СУДЬБЫ

Струдель

Семейная хроника счастья и горя

Тамара СОЛОГУБ-КРИМОНТ

КОМУ ЭТО НУЖНО?

У Золмина Кримонта, сына Моисея, и у его жены Тубы, белолицей Тубы, — было восемь детей: два сына, Вигдор и Яков, и шесть дочерей. Сыновья с малолетства плотничали и столярничали с Золмином в местечке, а дочери как-то все подле матери: выросли незаметно, быстро созрели на солнечной щедрой украинской земле. Были они в мать — белокожи, а в отца — черноволосы, однако ж все разные.

Этя — первенец после мальчиков, деловая.

Фэйга (Фаня) — вальяжная, «тоска еврейская в глазах».

Пэй, её больше Полей звали, — длинноногая красавица. И совсем, вроде, не еврейская девочка: светлые глаза с поволокой. Ну, просто панночка загадочная.

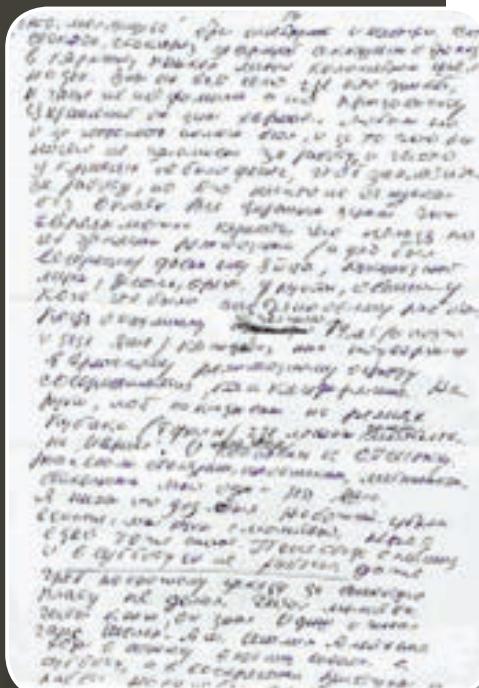
Злата (потом её Зиной станут звать даже свои же, евреи). Ну, в этой и вовсе никакой загадки. Хотя и с хитринкой черноглазка.

Сурка. Никогда ни при каких обстоятельствах не меняла имени. Умна по-житейски той самой местечковой мудростью, которая и в огне не горит, и в воде не тонет. Отличала её всегда семейность еврейская: свой — это уж навсегда свой, в тягость он тебе или в радость — не важно.

Удл (Ида). Последняя, поскребышек. Смуглая, — в отца! Зато нежности библейской — с лихвой.

Золмин и Туба родили ее в 1918 году, несмотря ни на какие там революции и гражданскую войну. И даже несмотря на то, что уже женили своего старшего сына Вигдора и по всем приметам могли скоро стать дедушкой и бабушкой. Так и произошло: меньше чем через год после рождения сестрички Иды старший сын Кримонтов, Вигдор, и его молоденькая жена Сара подарили Золмину и Тубе внука, а всем шести сестричкам, в том числе и годовалой Удл, — племянника, молочноголового, сероглазого Хaima. Впоследствии его станут звать Ефим, не то на украинский, не то на русский манер: Ефим Кримонт. Это и был мой папа. Первый внук Золмина.

Учить его стали чуть ли ни с пеленок: идишу, само собой, украинскому — по необходимости, ну и, конечно же, молитвам на иврите. Русский язык он выучил уже сам, когда пошел учиться на врача. Врачом-то он стал, но — военным. Потому что сначала прошел фельдшером всю войну, четырежды был ранен, после войны уже доучился, дослужился до полковника, был начальником окружного госпиталя, служил в Министерстве здравоохранения Узбекистана, получил, чуть ли не единственный (в то время!) из всех евреев-военврачей, звание Заслуженного врача Узбекистана. Но самое главное, почему, собственно, я и начала рассказ так, вроде бы издалека, — самое главное, что в зрелом возрасте у Ефима Кримонта появ-

Одна из 150 страниц «Воспоминаний» Ефима Кримонта о жизни в еврейском местечке Загнитков и о судьбе семьи

для свадьбы

вилась одна удивительная страсть. Многолетняя, пожизненно неистребимая, неизвестно откуда явившаяся: он стал писать. Не то, чтобы открылся у него какой-то необыкновенный литературный талант, нет. Но писал он — ежедневно.

— Фима! Что ты всё время пишешь и пишешь! — возмущалась моя мама, подавая ему ужин. — Фима! Ты меня слышишь? Кому ты там пишешь? Кому это нужно?

Он поднимал на неё свои светлые, отрешенные, усталые глаза:

— Лида! Я не знаю, кому я пишу... Мне надо — я пишу!

На самом деле — он знал! Он решил, что, если хоть один человек на свете, тем более — его дочки, захотят что-то узнать о своих предках, то он должен написать все, что ещё помнит. Так я узнала о Золмине и Тубе, о Вигдоре и Саре, о шести дочерях Золмина и Тубы, то бишь, о папиных тетушках, о том, какие у Ефима были дедушки и бабушки, какое было месечко, как одевались, как молились, что ели, как работали, как детей растяли, какие песни пели, как свадьбыправляли... Из этих записей узнала я и то, что существует у кого-то, где-то среди многочисленных ташкентских родственников, внуков или правнуков Золмина, его портрет. А дело было так...

ИЗ МЕСТЕЧКА — В ТАШКЕНТ

Золмин Кримонт, сын Моисея, у которого было два сына, Вигдор и Яков, и шесть дочерей: Этя, Фаня, Пэй, Злата, Сурка и Удл, этот Золмин Кримонт из местечка Загнитков, что в Украине, решил поехать в Ташкент. Это было перед Второй мировой войной, в 1939 году.

Дело в том, что его подросшие дочери одна за другой стали выходить замуж. Первой уехала со своим мужем Этя, потому что портных в местечке было много, а работы — мало. Кто-то сказал Этиному мужу, что в далеком Ташкенте нужны хорошие мастера. И они уехали. За ней уехали Фаня, Злата и Пэй, Удл. Они писали отцу о том, что живут, слава Богу, неплохо, сообщали о рождении внуков и внуценок. И тогда Золмин решил, что пора ему все увидеть самому. И вот Золмин, прадед мой, не сняв с седеющей головы кипу, надел на нее простую стареньющую шляпу. Приоделся: нарядная безрукавка с кармашками вверху, длинный сюртук, надетый на новую домотканую рубаху-косоворотку, сапоги, изрядно новые. На телеге собственного изготовления доехал до ближайшей железнодорожной станции, там купил билет, простился с сыновьями, проводившими его, и поехал в хлебный город Ташкент. Ехал он долго. В поезде не забывал молиться, экономно и бережно ел только свое, кошерное, то, что припасла ему в дорогу его болезненная, скуповатая Туба. (А как тут не быть прижимистой и расчетливой с такой немалой семейкой!)

Золмин ехал, смотрел, слушал и дивился: какие разные люди живут на большом белом свете. А потом, когда доехал до Ташкента, сказал дочерям и их мужьям:

— О разном говорят люди в дороге: о Гитлере в Германии, о голоде в

Золмин Кримонт (портрет сделан в Ташкенте в 1939 году, найден автором в Москве у правнуки Золмина в 2000 году).
Погиб в 1941 г. в гетто

СУДЬБЫ

Старший сын Золмина Кримонта — Вигдор Кримонт с женой Сарой (В девичестве Гамарник).
Сожжены фашистами в сарае 30 декабря 1941 г. в родном мес-
течке

деревнях, о всяких арестах странных. Шепотом разговаривают, с оглядкой. Им бы помолчать перед чужим человеком, а они — говорят. Наболело, значит. Больные слова в себе не удержать. Они — душу губят.

В Ташкенте Золмин гостил у всех дочерей по очереди, интересовался, не забыли ли дети, чему их учили в местечковой синагоге, расспрашивал об их семейном бюджете, об артелях, о еврейских мастерах ташкентских. Мужья дочерей подарили тестю красивый, из дорогой материи, цивильный костюм с рубахой модной. Золмин с удовольствием приоделся. А когда муж Поли, часовщик Лева, подарил тестю карманные часы — «луковицу» на цепочке, Золмин тогда пошел и сфотографировался, оставил внукам портрет. На память. Словно знал, что только это и останется детям от него. Кроме, конечно, того, чему успел он научить их, пока жили они в родном местечке. Через два года придет в Украину война. Золмин Кримонт сгинет. Гетто: ни могилы, ни документов. Только память.

— Живите дружно, помогайте друг другу, Не забывайте Бога, — сказал он детям на вокзале, возвращаясь в Загнитково, в свое местечко на границе Украины и Молдавии.

— Узбеки, — рассказывал он, возвратившись после поездки, — очень похожи на нас, евреев. У них пророк Магомет, у нас — Моисей. У нас кипа, у них тоже шапочки такие, чуть только по-другому сшиты — «тюбетейки» называются. Без них узбек не ходит, а тем более, в молельный дом, в мечеть, не войдет. И халаты у них длинные, и подпоясываются они тоже очень похоже на нас. А молитвы у них написаны, как и наши: справа — налево. И так же, как мы, не рисуют они никаких икон. Даже музыка у них такая же сладкая, узорная и печальная, как наша, еврейская. Меня там угостили одним их печенем, «пахлава» называется, так это — самый настоящий наш струдель.

Струдель — это «королевское» печение семьи. Это даже не печение, а скорее — символ радости и торжества. Не на всякий даже праздник его пекли, а по самым знаменательным датам: свадьбам, рождениям детей, бар-мицвам, проводам в армию и по другим не менее значимым событиям.

ПРОЦЕСС

Со струделем связана одна наша семейная история. О ней до сих пор помнит вся ташкентская родня. А родня, понятное дело, благодаря Золмину, Тубе, и Всеышнему, разрослась до таких размеров, что, когда Ефим и Лида стали составлять список приглашённых на свадьбу их младшей дочери Светланы, то оказалось, что число только тетушек, двоюродных братьев и сестер, а также их подросших детишек (всех этих Кримонтов, Гамарников, Абрамовичей, Кабаковых, Гороховских и прочих) переваливал далеко за сто. Свадьбу справляли в ресторане. С оркестром, с ведущим, естественно, еврейским. Ну, и как тут обойтись без струделя? Ресторанные блюда — это само собой, особенно куриные котлеты на палочках (попкиевски — с огнями). Но фаршированную рыбу Ефим готовил сам. Холодец тоже привезли из дома. Разве в ресторане приготовят настоящий холодец? В общем, всех блюд и не перечислишь... Но кто из семьи отка-

СУДЬБЫ

жется от кусочка-другого струделя, который так любил еще сам Золмин Кримонт, столяр-краснодеревщик из Загнитково?

Как всегда, ответственной за выпечку этого волшебного лакомства стала Баба-Сурка. Та самая Сурка, дочка Золмина и Тубы, которая никогда не откликалась на всякие там «Шура», «Сима», признавая только свое местечковое имя, та самая, которая, единственная из всех сестер, не уехала до войны в Ташкент, а жила рядом с родителями в Загнитково, так что Хаим, её племянник первенец — Хаим, выросший рядом с ее детьми, был ей, как первый её ребенок; та самая Сурка, у которой — «если свой, то уж свой, хорош он или не очень». По-настоящему, баба Сурка не была нам бабушкой, она ведь была всего лишь сестрой Вигдора Кримонта, старшего сына Золмина, того сына, который подарил семье первого внука — белобрысенького Хaima (Ефима). Но Вигдора и его жену Сару, родителей Ефима, наших настоящих дедушку и бабушку, убили фашисты в первый же день оккупации села Загнитков. Зверски убили. Сара и Вигдор увидели, как их младшую дочь Басю поволокли к колодцу несколько откормленных хохочущих молодых немецких солдат... Никто не знает, успели родители увидеть, что было потом, что стало с их белолицей рыжеволосой девятнадцатилетней девочкой?... Хочется верить, что так и не увидели они Басю, брошенной в колодец, хочется верить, что Бог послал им, навечно сорокалетним моим бабушке Саре и дедушке Вигдору, милосердную преждевременную смерть.

Ефим в это время воевал солдатом на фронте. А Сурка с мужем и с их малолетним сыном успели уйти из села до прихода немцев. И остались живы. Они добрались-таки до Ташкента. Сюда же после войны позвали и племянника Ефима, потому что нечего ему было делать в Загнитково. Ни родных, ни дома. Сурка не заменила ему мать и отца, слишком незаживаемой оказалась память повзрослевшего Ефима. Ушел в Армию в 19 лет, еще в мирное время, а вернулся... в 45-м году... Уже и мир повидал, и лиха хлебнул немало...

Так вот, у детей Ефима (у меня и у сестры моей Светланы) не было другой бабушки, кроме Бабы-Сурки. Жили в Ташкенте со своими уже взрослыми детьми и внуками Этя, Фаня, Поля, Зина, Ида (Удл) и помогали семье Ефима, как могли. Но бабушкой нашей была Сурка, хотя у нее и свои внуки были...

Ну, теперь — струдель! Перед свадьбой, за неделю раньше, Баба-Сурка приехала к нам. Начала с ревизии продуктов. Первым делом — сливовое повидло. На струдель по ее рецепту нужно было именно сливовое, чтобы кисло-сладкое было и густое и чтобы обязательно темно-темно коричневое.

- Лида, а ты, когда его варила, сливочное масло в конце — положила?
- Да.
- А повидло, не дай Бог, не пригорало?
- Нет, конечно!
- Нисколько не пригорало?
- Говорю тебе, нет!

Затем она взялась за Ефима:

— Поедешь на Алайский базар, купишь грецких орехов. Нет! Не на Октябрьский рынок, а именно на Алайский! Там дороже, но там — луч-

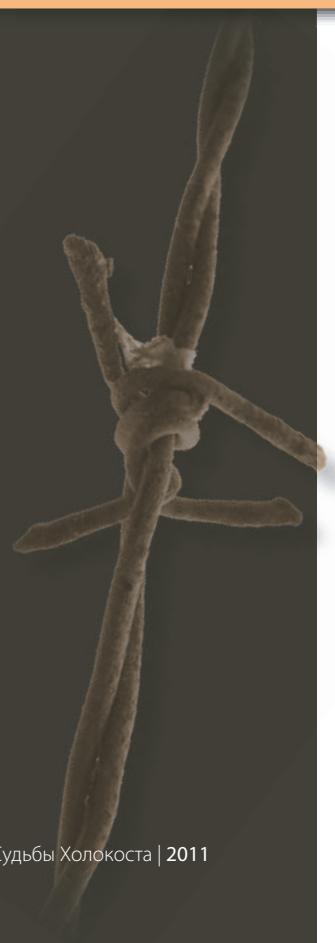

Последнее фото перед войной Ефима Кримонта и его сестрички Баси (1939 г.). Ефим ушел на фронт, а 19-летнюю Басю фашисты бросили в колодец, изнасилованную, но еще живую в декабре 1941 г. (по рассказам свидетелей)

Ефим Кримонт на свадьбе дочери в Ташкенте (ресторан «Чиланзар») передает молодым наказ деда, Золмина Кримонта

ше. И выбирай — чтобы этого года, обязательно попробуй, чтоб не горчили. Изюм купи крупный, черный, но чтобы не сухой, — и через несколько минут, когда Ефим уже спустился с четвертого этажа и направлялся к трамваю, Баба-Сурка, ахнув и всплеснув руками, кричала ему вслед в окно:

... но, чтобы и не слишком сырой! Ты слышишь? Если слишком сырой, то палочки плохо отрываются! Проверь обязательно! И вообще, вернись уже пока! Я еще не все тебе заказала!

Ефим не спорил, покорно поднялся (без лифта!) снова на четвертый этаж:

— Ну?

— Купи еще сливочного масла, там... — и посыпались тут подробнейшие распоряжения: где именно, у кого именно, какого цвета, какого вкуса, какой твердости, по какой цене т.д.

Нет, Баба-Сурка не была нудной и придиркой! Она была главнокомандующим, на ней лежала огромная ответственность, равнозначная части Семьи. И тут не должно быть ни одной оплошности. Все это понимали, а потому безропотно и безоговорочно выполняли все.

Над тестом она колдовала сама, и только когда раскатала его тонко на большие коржи, разрешила Лиде нанести на них и ровненько распределить приготовленную смесь начинки из повидла, изюма, толченых орехов и еще чего-то, одной ей известного. Потом все это сворачивалось в рулет, смазывалось маслом и посыпалось сахарным песком, чуть-чуть, для коричневого цвета на будущей корочке. Уже на противне рулет разрезался на кусочки, но не до конца, не прорезая основы, чтобы все это держалось и пеклось вместе, а потом чтоб было удобно разломить рулет на приятные порции, не порушив его ножом. Но это потом. А сейчас — рулет за рулетом все раскладывалось на «лист» и — с Богом! — в духовку. Начинались тревожные подсчеты времени и температуры: не передержать бы, не открыть бы духовку раньше времени, да не пересушить бы, но обязательно хорошо подрумянить. Наконец рулеты вынимают, еще раз, пока они горячие, посыпают их сахаром, чтобы потом громче хрустело во рту. У всех текут слюнки, но пробовать никому не дают. Такая примета: пока все не испекут! Моют и выжигают на газовом огне самый большой таз с плоским дном, застилают его специально белой бумагой, складывают уже остывшие и чуть затвердевшие рулеты. Сначала — не закрывают, потом таки — да! — обязательно накрывают новым льняным полотенцем... И вот таз полон! Его несут, как новорожденного младенца, в спальню: там прохладно и туда никто, кроме

Ефима и Лиды, не входит. На этот таз никто не смеет дышать, к нему никого не допускают.

СВАДЬБА

И вот день свадьбы. После ЗАГСа молодые со свидетелями и друзьями обезжают все «исторические» места Ташкента, а потом едут в ресторан, куда приглашены все гости, а Ефим, Лида и Баба-Сурка из дома садятся в заранее заказанное такси. Надо увезти с собой аккуратно упакованные тарелки с холодцом (более чем на сто человек!), блюда с фаршированной рыбой. (О том, как ее готовили — это достойно отдельного рассказа). Таз

СУДЬБЫ

со струделем отдельно ставят в багажник. Предварительно Ефим договорился с шофером, что багажник будет предельно чист и свободен, за что полагалась уплата сверх показаний на счетчике. Ну! С Божьим благословением! Поехали.

Свадьба удалась на славу. Цветы, поздравления, подарки, поцелуи.

- Ах, какая красивая пара!
- Светочка — просто куколка!
- Мальчик тоже ей под стать.
- А какой на нем костюм!
- А какое на ней платье...
- Здравствуйте, здравствуйте!
- Сколько лет, сколько зим! Называется, живем в одном городе!
- Как выросла Кларочка!
- Как возмужал Семочки!... Ужас, как растолстела Циля!
- ... С кем это опять Бенчик? Это его новая жена?
- А вы знаете?...
- А вы слышали?...

Ели, пили, пели, говорили, танцевали, желали всего-всего.

Когда слово дали Ефиму, он сказал:

— Наш дед Золмин, да будет ему вечная память, шесть раз выдавал замуж дочек и два раза женил сыновей. И каждый раз на свадьбе он говорил детям одну и ту же мудрую еврейскую формулу семейного счастья. «Муж, — говорил он, — никогда не требуй от жены больше, чем она может сделать для тебя и для семьи. Жена! Никогда не требуй от мужа больше того, что он в состоянии принести в дом для тебя и ваших детей. Но каждый сам должен стремиться сделать больше, чем он в состоянии сделать для своей семьи. И тогда всегда будет совет и любовь. Будет мир и покой». Так говорил наш дед, так говорил мой отец Вигдор Кримонт, так говорю и я вам, дети мои. А вы, надеюсь, так скажете своим детям и внукам.

За столами взорвался шквал аплодисментов ликующих родственников и удивленно-удовлетворенные возгласы гостей, приглашенных по работе и по соседству... А к папе под общий шумок подошла Баба-Сурка и шепотом спросила:

- Фима, где струдель?
- А что, уже пора?
- Еще не пора, но где он? Его нет!

Все знали, что у Кримонтов на свадьбе будет струдель. Об этом не говорили громко, но все знали.

— Как это — где?! Где всё сладкое...

— Где всё сладкое, — сказала Баба-Сурка, не глядя на Фиму и приветливо кивая кому-то, — там его нет! Распорядитель говорит, что мы ему струдель не давали... Да, моя сладкая девочка! Да, как ты выросла... — это она уже какой-то родственнице. — У тебя замечательное новое платьице, ты в нем просто куколка... Кто тебе его купил, кецкалэ?!

— Как это нет! Как это не давали?! — Ефим изменился в лице. — По-

Баба-Сурка — Сура Гамарник
(в девичестве — Кримонт,
дочь Золмина) с внуками и правнуками

дожди, подожди... я вынес его из дома. Я поставил его в багажник такси... Потом мы подъехали к ресторану... в одной руке, в правой, я занес холо-дец... В левой — фаршированная... Тетя! Струдель остался в машине!... Кто-нибудь записывал номер такси?

Кто-то записывал, но потом, конечно же, выкинули эту бумажку... Никто не помнил номера. И ни у кого не было этой проклятой, такой нужной теперь бумажки. Даже номер диспетчерской, через которую заказывали такси — остался дома. Если вообще остался... С тех пор, как приехали в ресторан, прошло уже много часов. В общем... это был провал. Полный. Молодым ничего не говорили. От гостей тоже постарались это пока утаить... Ефим, Лида, Баба-Сурка старались «держать лицо»... Ну, нет струделя! Но его, может, и не должно было быть! Улыбались, обнимались с тетушками, интересовались судьбой племянников, их детишек, гладили по головкам подрастающих многочисленных и уже почти незнакомых внучат (двоюродных и троюродных)... Но — тщетно! По столикам уже проползл зловещий слушок: «Вы знаете?! Говорят, что струделя не будет!» «Не может быть! Я точно знаю, что Сурка была там у них целую неделю и пекла струдель!» «Но, говорят, что не будет!» «Говорят, что струдель потеряли...»

Прошел час, потом другой, потом третий. Уже гасили свет и заносили огромный свадебный торт с голубками и кольцами, уже в который раз на столах меняли блюда и тарелки, убирали пустые бутылки и ставили полные, уже много раз кричали «Горько!» и «Мазл тов», и уже, кажется, не было на свадьбе человека, который не подошёл бы к микрофону и не сказал своего поздравления и напутствия молодым... Но струдель! Струдель — гвоздь программы! Всем уже было ясно, что его не будет...

Ведущий, про которого уже все забыли, взял микрофон у очередного родственника, который изливал душу перед молодыми и которого уже никто не слушал:

— Прошу внимания! Я имею сказать вам небольшую новость. Прошу тишины!

С трудом он овладел вниманием гостей, поднял в нестойкой тишине вверх руку и взмахнул ею, словно держал волшебную палочку: «Раз, два... Три!»

Из-за кухонной перегородки появились три официанта. На блюдах они несли ароматные, румяные, с коричневой подрумяненной корочкой, с аппетитными розовыми прожилками, красиво уложенные змейками кусочки... струделя! Все закричали, зааплодировали, оркестр заиграл туш, а потом «Семь сорок». Восторги и удивление! Свадьба была спасена.

Что же произошло? Откуда он взялся, этот пропавший струдель? И тогда Ефим вывел на середину зала человека в совсем непраздничной одежде. Он стоял в мятых брюках, в стоптанных пыльный туфлях, в несвежей рубашке без галстука, в потертой серовато-черной тюбетейке, на которой вышитые белыми нитками узоры были уже просто желтыми. Он стеснительно переминался с ноги на ногу. Он не знал, что, собственно, делать с микрофоном, который сунул ему в руку ведущий... Но потом он, по подсказке Ефима, поздравил молодоженов. И только после этого, освоившись, торопливо и сбивчиво рассказал, что долго ездил по городу в своем такси, возил пассажиров, не подозревая, что в багажнике его машины стоит забытый таз с пахлява. Он так и сказал — «пахлява». И только, когда завернул на вокзал к вечернему поезду и посадил прибывших пассажиров, открыл багажник...

СУДЬБЫ

— У нас тоже на свадьбу пахлява делают. Я вспомнил... Ай! Как плёхо! Что люди подумают! — и развел руками. А потом отдал микрофон, — Всё... А чего ещё? Вот... привёз... Что тут поднялось! Каждый хотел лично пожать руку «этому честному узбеку». Его хлопали по плечам, обнимали и чмокали в щетинистые щёки, совали в руки бокалы, тащили его за свои столики. Он благодарил, прикладывал ладони к сердцу и, отказываясь, пытался сказать, что у него еще не закончилась смена, что он за рулем, что у него — заказы, и диспетчер уже, «там по рация совсем надрывается»... Его никто не слушал. На какое-то время все даже забыли о молодоженах. Шофер такси танцевал с подвыпившими евреями «Тум-балалайку», потом ещё какой-то веселый узбекский танец и даже «шнейк»... Наконец, страсти потихоньку улеглись, все толпой пошли проводить таксиста на улицу. Уже в машине ему всё еще пожимали руки на прощанье, совали какие-то свертки с угощением, непочатые бутылки: «Выпьешь дома! За здоровье и счастье молодых!...»

Свадьба продолжалась.

Ташкентский двор. (ул. Госпитальная). Ефим (в форме) с двумя своими тетушками и их мужьями. Это они подарили Золмину Кримонту костюм, в котором он снят на последнем портрете

P. S.

Прошло два десятилетия, одна за другой ушли Этя и Фаня, Поля, Злата и Сурка... Удл пережила своего племянника Ефима, молилась на его могиле, поминая и Золмина, и Тубу, и сестёр, и двух своих старших братьев, Вигдора и Якова, убитых фашистами в один год с ее мужем. Потом мы хоронили и её. В Ташкенте жили их дети, внуки, и дети внуков...

А потом произошло событие, которое не возможно ни понять, ни забыть, ни простить. За одну ночь был устроен погром... Погром еврейским мертвым. Каждая семья восстанавливала порушенные могилы, как могла. Старый еврей, который по нашей просьбе пришёл почтить кадиш у «новых» памятников, сказал, что погромщиков так и не нашли.

— Говорят, что они бесследно исчезли. Только и нашли старую помятую тюбетейку, даже уже не черную, а серую... — сказал он, пряча глаза и качая седой головой...

Я вспомнила свадьбу. Струдель. Шофера такси в мятой серо-чёрной тюбетейке с пожелтевшим узором... И рассказ Ефима, моего папы, о том, как Золмин Кримонт приезжал в Ташкент: «Узбеки очень похожи на нас, евреев...»

Я сказала себе: «Это был кто угодно, но не тот шофер... И не его дети, и не его внуки...»

Но у кого-то ведь поднялась рука! Что-то перевернулось в этом мире... Что-то надвинулось — грязное, беспощадное, нечеловеческое... А, может, оно и не исчезало, просто млело где-то и собиралось с силами?

Еще через несколько лет в Ташкенте почти не осталось никого из многочисленных потомков Золмина Кримонта и его жены Тубы.

■■■

ПАМЯТЬ

«...И долго витать нас живущими Будет ульбка моя...»

Тамара СОЛОГУБ- КРИМОНТ

Продолжение. Начало в № 5

Зима 1998 года. 23 октября.

Станция «Одесса — Сортировочная».

Открытие мемориальной доски. Что на нем, на этом маленьком куске гранита, — крохотном окошке в страшные **сороковые?** Стена товарного вагона, т. н. «теплушка» («Теплушка»? Каяя теплушка! Ледник!), колючая проволока. Скорбные лики в окне сквозь решетку. Надпись, скромная, пронзительная своей документальной простотой: «Отсюда в годы фашистской оккупации было насилию увезено в железнодорожных товарных вагонах более СТА ТЫСЯЧ евреев, которые были уничтожены в сельских районах Одесской и Николаевской областей (1941 – 42 гг.)» Работа Дмитрия Стадника, Праведника мира. (Этим званием награждают людей, ценой смертельного риска спасавших евреев в годы войны) **Композиция бывшего малолетнего узника гетто — Леонида СУШОНА.**

Да, да! Это тот самый мальчик Лёня, о судьбе которого начался наш рассказ. Вопреки детективным законам литературы, мы нарушили плавное течение хронологии, в подтверждение главной мысли: память убить нельзя, она возрождается, как ни стреляй в нее, как ни жги в печах, как ни трави газами, как ни закапывай в землю, как ни уничтожай могилы и документы, как ни стирай ее со страниц истории.

Но вернемся туда, где оставили мы на время семью Сушон, бабушку Катю, маму Фриду и двух мальчиков Сережу и Леню, вернемся на эту самую, на скорбную Сортировочную 1942 года. Вот как пишет о ней А. Розенбойм («Шомрай Шабос» № 7 «לכש יפלש»): Обледенелые сходни к товарным вагонам, «...Равнодушное зимнее солнце,

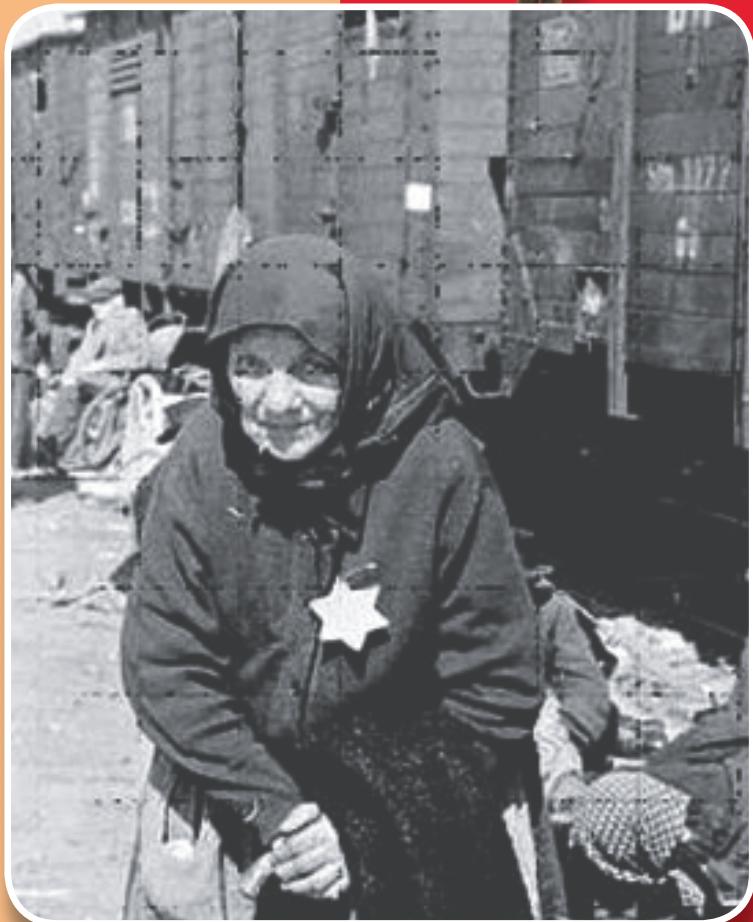
ПАМЯТЬ

вереницы теплушек со снежными шапками на крышах, тяжко вздыхавшие, будто сочувствуя горю... Паровозы, клубы черного дыма, лай окрестный собак...и похожие на лай собак крики конвоиров – вот и все, что видели и слышали те, кто прощался здесь с родным городом...и с жизнью».

Лязг буферов, плач детей, нечеловеческий вой обезумевших взрослых... Посадка была не на жизнь – на смерть. Замешкавшись «подгоняли» смертельным выстрелом, толпу разряжали штыками. Вглядитесь! Пройдитесь глазами памяти по скорбной движущейся процесии людей. Мимо старушки, накрывшей своей легкий полушибок стареньким клетчатым пледом, мимо слепого старика, крепко сжимающего плечо молодой женщины, одной рукой женщина придерживает младенца, завернутого в голубое атласное одеяльце, другой крепко держит за пухлую ручонку трехлетнюю девочку. Гордая суровая старуха... Седые волосы не покрыты. Платок волочится по снежной грязи, по дороге, растоптанной людскими шагами, тысячу людских стоп. Дальше... дальше... Где-то здесь, среди этой массы, собранной по человеку, по человеку... - у каждого совсем недавно – своя душа, своя судьба, свой день, своя ночь, свои надежды...своя мама, своя любовь...Где-то здесь семья Сушон. «Наш этап ... высадили на станции Березовка и погнали через село Мостовое», — это из воспоминаний Серея. Он подросток. Рядом – младший брат, бабушка и мама. Позади Одесса, расстрелы, грабежи, предательства, гигантские костры, не из дров, из живых людей, из евреев,... и эпидемия сыпного тифа... Когда это все позади, может ли еще трогать детскую душу, что конвоиры насилиют женщин и девушек прямо тут же, на обочине дороги, где стоят кучки местных жителей? Кто-то молчит, а кто-то бесстыдно уговаривает евреев отдать свои вещи. Мародеры не уговаривают, срывают с голов измученных людей шапки, платки, стягивают с обессиленных кофты. Не известно еще, что страшнее, когда тебя грабят свои же или когда слезливо убеждают, мол, зачем вам вещи-то! За селом вас всех все равно расстреляют. «Мы не врем! Сами видели. Предыдущий этап – полностью! До единого». Могут ли тронуть запуганное сознание ребенка такие прощальные крики «сочувствующих» сограждан «Великой братской семьи Советского народа»? Может ли еще трогать переполненные ужасами души мальчиков, что

Дети войны - и веет холодом,
Дети войны - и пахнет голодом,
Дети войны - и дыбом волосы:
На челках детских седые полосы.
Голодяев Л.М.

ПАМЯТЬ

охранники избивают отстающих? Может! Особенно, если это – твоя бабушка. Та самая бабушка Катя, героическая еврейская мама, которая своим примером, всей своей жизнью учила детей и внуков хранить честь, гордость, достоинство и веру. Сергей и Леня запомнили все. Они стали той памятью, которую невозможно убить» «Нацисты добились своего», — с честной горечью заявит Сергей Сушон спустя 67 лет в статье «Живые свидетели Холокоста» «Уничтожение евреев являлось идеологическим оружием», с помощью которого... привлекались к со-участию в преступлениях многие любители легкой наживы из

местного обнищавшего населения. «...Но вместе с тем часть евреев была спасена именно благодаря помощи украинцев и русских, которые, рискуя жизнью своей и своих близких, прятали несчастных людей, передавали им пищу и медикаменты» Судьба и подвиг Праведников хранила семью. Этап не был расстрелян. Истерзанный, пострелянный, ограбленный, избитый, изнасилованный, униженный, он был доставлен в местность, названную нацистами

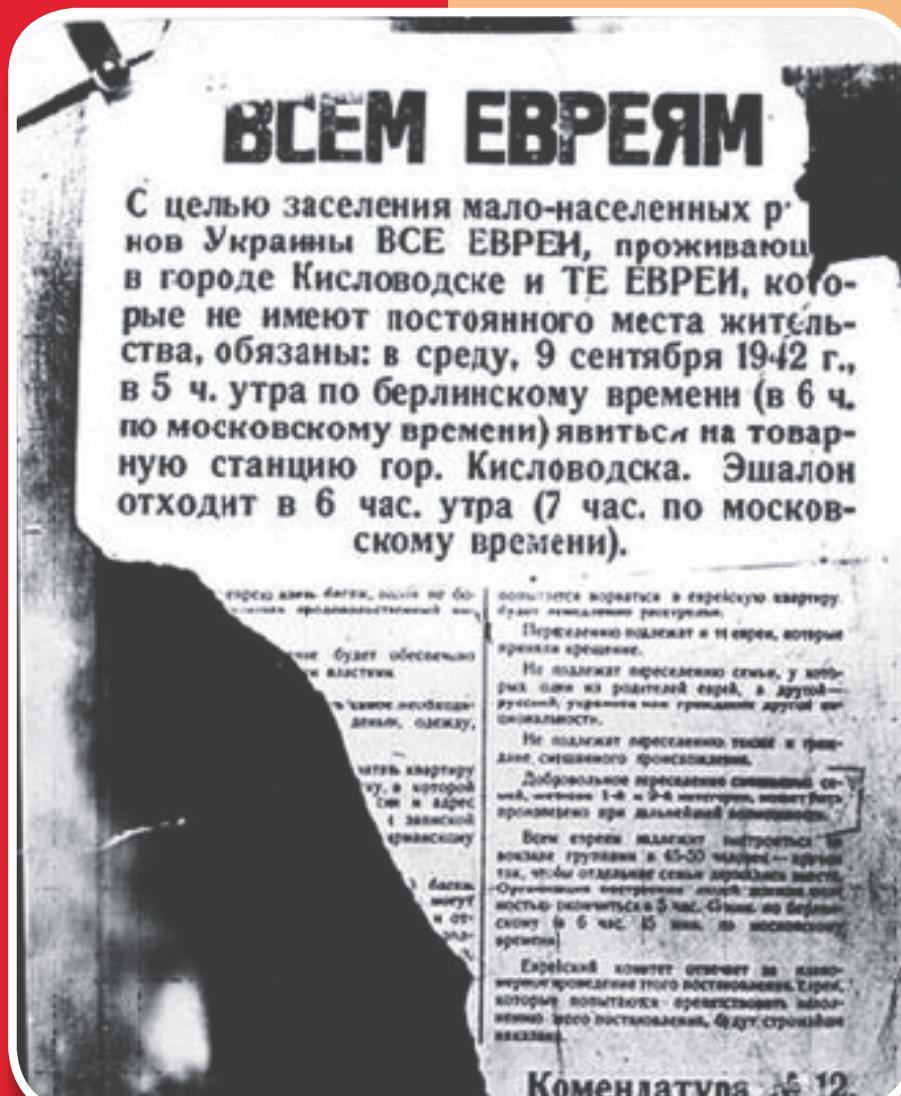
«ТРАНСНИСТРИЯ»

Между двумя полноводными реками: Днестром и Южным Бугом была создана провинция смерти.

Огромная территория, оккупированная фашистскими немецкими и румынскими войсками, на которой запросто могло бы разместиться небольшое европейское государство. В него вошла Одесская область, часть Николаевской и Винницкой областей, а также, ставшая на то время бывшей, — Молдавская

АССР. Эта зона получила название Транснистрия.

Естественнее было бы назвать её: Провинция смерти. Если обвести черной чертой ее границы, как это сделал потом в своей книге Леонид Сушон, карта этой территории, на которой методично, всеми мыслимыми и немыслимыми, изощренными издевательствами уничтожали людей, напоминает очертаниями огромную ступню, грубую, готовую раздавить всякого, на

ПАМЯТЬ

кого она опустится. И опустилась. И раздавила. **189 населенных пунктов** насильно, тесно заселены узниками. 20 век! Просвещенная Европа! Коренные жители, как скот загнаны за колючую проволоку без всякого предъявления вины, без всякого даже объяснения. Впрочем, нет! Как же «без вины»? Они виновны в том, что посмели родиться евреями. **300 тысяч евреев истреблено на этой территории.**

Рассказывает Сергей Сушон, старший брат:

«Одним из самых страшных периодов нашего пребывания в Транснистрии было гетто Ахметчика. Здесь в помещении свинарника, в клетках, предназначенных для свиноматок с поросятами, на гнилой соломе размещалось по восемь человек. На территории лагеря не было колодца. За водой на расстояние более километра конвоиры выпускали по десять человек. Один раз в день на подводе привозили в грязной бочке протухшую просянную муку и выдавали каждому по кружке. Голодные люди нередко съедали этот корм в сыром виде. Ежедневно из бараков мы выносили умерших, а полуживых вносили в барак для немощных.» Здесь те, в ком еще теплилась жизнь, завидовали мертвым... Не многие выжили. Что оставалось у обессиленных, униженных, голодных, растерзанных людей? Надежда. И Память. И благодарность тем, кто даже в эти страшные непроглядные годы находил способы по мере сил помогать обездоленным выжить, передавал голодающим в гетто продукты, спасая их от голодной смерти. О том, как это происходило, Леонид, Сергей, Фрида и бабушка Катя будут помнить всю жизнь. Имена их спасителей: ИВАН ГАЛЕТО и его дочь ЛИДИЯ. Эти имена записаны не только в число Праведников Мира. Эти имена не только в музее Яд — Вашема, они — в продолжении спасенных жизней, они в каждом вздохе живущих, в добрых делах тех, кому спасена жизнь. Их имена умножают силу Добра на земле.

Освобождение пришло весной. 10 апреля 1944 года. Уцелела горстка людей. Среди них — семья, о которой наш рассказ. Не надо даже напрягать воображение, чтобы понять, куда они направились прежде всего. Конечно же — в свой родной город Одессу. В сердцах четырех молча бился один единый вопрос: Где Петр Сушон — отец Сергея и Лёни? Где он, больной, человек, истерзанный предвоенным «красным террором» НКВД, родной человек, который все эти три года, пока семья его была на грани жизни и смерти, оставался в городе, неизвестно где. Они надеялись, что

Все думают, солнце – на всех
одно!
Это им только кажется!
Солнце свое каждому,
Как сердце, с рождения дано.

Все думают, смерть страшна из-за
боли!
Смерть – избавление от мук.
Страшно, что солнце погаснет вдруг,
Не наставившись вволю.

Все думают, люди зарыты в моги-
лах.
Отчего же овальны могилы и жгу-
чи?
В них – солнц миллионы. Война их
сгубила,
И землю уставшую памятью мучит.

Т. Кримонт

Петр жив. Конечно же дело не в том, что Петр был человеком достойным, стойким, честным мужественным гражданином, любящим сыном своей суровой матери Родины, и даже не в том, что он был наделен от природы множеством талантов, в том числе абсолютным слухом музыканта и красивым, самой природой поставленным голосом, не в том даже, что он был нежным мужем, любящим отцом, заботливым зятем. Разве мало таких, талантливых, любимых, любящих, прекрасных душой и лицом, неповторимых, умирало в Транснистрии на глазах у них? Дело в том, что осталась жива надежда. Эта стойкая, неистребимая, наследственная семейная черта Сушонов. После всего пережитого надеяться и помнить. Помнить и надеяться. Они нашли Петра Сушона. Героические усилия, беспримерная смелость медиков, бывших со-служивцев Фриды, все эти три года хранили жизнь Петра. Семья восстановилась. Настало время наверстывать украденное войной. Братья учились. Это были годы усиленного, напряженного труда. Сдача экзаменов экстерном по школьной программе. Институт. Работа. Это был путь, освященный главной целью жизни: рассказать о тех, кто погиб, и о тех, кто выжил.

1990 год. Леонид Петрович Сушон, технический руководитель проектных работ в области промышленной биотехнологии, стал одним из инициаторов и организаторов **Первого съезда бывших узников гетто и нацистских концлагерей**. Его избирают **Сопредседателем Международной Ассоциации** **переживших Холокост**. Это его любимое детище. Да, есть семья, есть даже внуки. Не для них ли, не для тех ли, кому обязан он передать святую память, Леонид работает над книгой – памятником о тех, перед кем в душе своей хранил завет, как долг, тем сотням тысяч, замученных в Транснистрии? Не всем вместе, а каждому. Каждому. Всем – поименно. Потому что сотни тысяч – это страшные цифры, умопомрачительные цифры, перечисляющие количество людей, безвинно стертых с лица жизни. Но это все равно цифры. А надо, чтобы поняли все: это не цифры! Это люди. Из плоти и крови. Рыжие, черные, русые, блондинки, веснушчатые, белолицые, смуглолицые, веселые, грустные, умные, рассеянные, счастливые, деловые, влюбленные, строгие, смешные... Чьи-то дети и внуки, чьи-то папы и мамы, братья и сестры, бабушки и дедушки. И у каждого – долгая, долгая жизнь: с достижениями, с мечтами, с приключениями, со взлетами и падениями, с преодолениями, с заботами, с радостями. Триста тысяч любимых, триста сотен неповторимых... у которых отняли эту долгую, долгую жизнь.

Так в 1998 году появилась книга «Транснистрия.: евреи в аду». И чуть позднее: Книги – память, книги – документы. Для всех: для тех, кто ушел, для тех, кто выжил и для тех, кто родился потом. Для нового поколения – особенно, потому что **«Новая война начинается тогда, когда исчезает память о прошедшей»**

Вся оставшаяся жизнь автора — под этим знаком: «Знай и пом-

ПАМЯТЬ

ни». Мемориалы, памятники, мемориальные доски. Братья Сергей и Леонид отныне — воплощение Проведения, избравшего их стать негасущим факелом памяти, освещающим не только прошлое, но и льющим свет в будущее. Пламя этого факела призвано жечь сердца живущих, предупреждать, напоминать, звать на ежедневный подвиг сохранения справедливости, человечности, свободы.

Оно обжигает будущее памятью прошлого: чтобы не забыли, чтобы не допустили повторения.

Несколько лет назад тяжелая болезнь оборвала жизнь Леонида Сушона. Доктор Сергей Петрович Сушон, его старший брат, живет в г. Хадера. Он — заместитель Всеизраильской Ассоциации «Уцелевших в концлагерях и гетто».

«Живые свидетели злодейств нацистов и жестокого террора против беззащитных людей, мы торопимся рассказать о том, что произошло, что пришлось нам пережить в оккупации, чтобы следующее поколения могли сказать: «Мы это слышали из уст очевидцев» — говорит Сергей Петрович Сушон.

Пламя Памяти горит.

Братья Сушоны со своей спасительницей - Лилией Галсто (1991г.)

Нам не найти такого слова.

Причастность наша к иудейству
интуитивностью основы
нам от родных досталась
с детства.

Все это в нас — из века к веку:
Судьба библейских испытаний
тоска погромов и наветов,
изгнанья, бойни и скитанья...

Т. Сологуб

ПРАВЕДНИКИ МИРА

«Женщина, спасшая 2500 детей»

«Стены твои всегда передо Мною...» (Ис.49:16)

О подвигах Ирены Сендлер не было снято голливудских фильмов, которые потом получили бы Оскара. Однако, эта польская женщина вырвала из лап Холокоста 2500 еврейских детей в результате самой удивительной, но самой малоизвестной спасательной операции времен Второй мировой войны.

Она до сих пор слышит отчаянные крики матерей и детей, особенно ночью, когда пытается заснуть и когда боль старых ран, полученных от нацистских пыток, вновь сотрясает ее хрупкое тело. Нахлынувшие воспоминания обрушаются на неё безответные вопросы рыдающих родителей: «Вы обещаете, что дети действительно спасутся?» Она вспоминает, что часто, слишком часто видела их на следующее утро, родителей, которые так и не смогли расстаться со своими детьми, и теперь, держа их за руку, вместе отправлялись в свой последний путь – в Треблинку. «Отец всегда мне повторял: «Если человектонет, ты должна протянуть ему руку», - рассказывает 93-летняя Ирена Сендлер, сидя в кресле в квартире в историческом центре Варшавы. Её память хранит страницы истории, эти страницы не может стереть время. Она осталась верной завету своего отца и очень многим протянула эту самую руку помощи. Госпожа Сендлер всегда оставалась в тени, притесняемая коммунистическим режимом в Варшаве, который втайне не мог простить ей, что она спасала евреев. Сегодня её список из 2500 человек, который длиннее списка Оскара Шиндлера и который принёс ей медаль «Праведник мира» в 1965 году, занимает заслуженное место в израильском мемориале Яд ва – Шема, хотя пришло 18 лет, прежде чем она смогла поехать в Израиль, чтобы посадить свое дерево на аллее памяти.

Её история – это, прежде всего – история спасенных ею детей, таких, как пятимесячная девочка Елизавета, дочь родителей-евреев, которую она уберегла от гибели, спрятав в корзине для белья. Родители девочки вскоре были уничтожены. Впоследствии Елизавета вышла замуж за польского офицера, который спас её от гибели в Треблинке. Её муж, Юзеф Сендлер, был одним из организаторов спасательной операции Ирены Сендлер. Юзеф Сендлер был награждён медалью «Праведник мира» в 1965 году, а Ирена Сендлер – в 1983 году. Их история – это история любви, дружбы и человеческого счастья, которое может быть создано даже в самых тяжелых условиях.

ПРАВЕДНИКИ МИРА

ледствии ребенку пришлось сменить имя, семью, веру. «Без Сендлер я бы не выжила, - рассказывает бывшая девочка, которой сейчас уже за 60 и которая узнала правду лишь в 17 лет, - Самой большой травмой для меня было сознание, что та, которую я всю жизнь любила как мать, на самом деле матерью моей не была» Сейчас она по праву считает госпожу Сендлер своей третьей матерью.

Когда гитлеровский вермахт вторгся в Польшу в сентябре 1939 года, Сендлер не было еще и тридцати пяти лет. Оккупанты немедленно ввели новые законы против евреев, отделили еврейское население от поляков. Еврейское гетто, насчитывающее 350 тысяч человек – четверть населения Варшавы, - было окончательно закрыто в октябре 1940 года. В то время Сендлер работала в городской администрации. Первый год она буквально разрывалась на части, чтобы хоть как-то помочь наиболее нуждающимся еврейским семьям. Однако закрытие гетто существенно осложнило ситуацию: стало не хватать продуктов, дети были истощены, начались эпидемии. «Это был настоящий ад – люди сотнями умирали прямо на улицах, и весь мир молча смотрел на это». При помощи своего старого учителя она раздобыла пропуск в гетто для себя и для группы своих подруг. Немцы боялись эпидемии, поэтому санитарными проверками внутри гетто занимались поляки. Сендлер организовала целую систему помощи, используя деньги городской администрации и благотворительных еврейских организаций. Она носила в гетто еду, предметы первой необходимости, уголь, одежду. Летом 1942 года, когда началась депортация евреев в лагеря смерти, Ирена решила, что нельзя терять времени. Вместе со своими подругами она отыскивала адреса семей, где были дети, и предлагала родителям увезти детей из гетто, чтобы под чужими фамилиями отдать их на воспитание в польские семьи или детские дома.

«А они спасутся?» - этот вопрос слышала сотни раз. Но как она могла на него ответить, когда не знала, удастся ли ей спастись самой? Она становилась свидетелем душераздирающих сцен: Мать - за, отец - против. Крики, брань, слезы. Большую часть детей увозили на машине скорой помощи, спрятав среди окровавленных тряпок или в мешках. Других детей прятали в мусоровозе. Многие дети были грудного возраста – они могли заплакать в самый неподходящий момент.

ПРАВЕДНИКИ МИРА

Антоний Дебровски, водитель, смелость которого не раз помогала в беде, придумал любопытный способ избежать риска. Он сажал рядом с собой собаку, и как только слышал плач ребенка, наступал своей собаке на лапу, чтобы её вой заглушил крик ребенка. После того, как детей вывозили за пределы гетто, их передавали польским семьям, с которыми связывались заранее. Дети получали новое имя, документы, их даже крестили для большей убедительности. И Сендлер скрупулезно вела свой список. На отдельных листочках она писала настоящие данные о ребенке и новые, вымышенные. Листочки прятала в стеклянной банке, которая была зарыта во дворе одной из подруг. Так она продолжала действовать вплоть до октября 1943 года. В списке уже насчитывалось 400 детей. Но тут ее предали. Фашисты арестовали ее и подвергли пыткам, сломали ей руку. Однако Сендлер не сказала ни слова. Её приговорили к смертной казни. Спаслась она благодаря тем же листочкам: ведь только она знала настоящие имена и фамилии детей. Без нее бы все дети просто напросто потерялись. Незадолго до расстрела еврейская организация «Зегота» заплатила огромную сумму денег одному из офицеров гестапо. Сендлер освободили, официально объявив, что она – мертва. Теперь она так же, как и спасенные ею дети, получила новое имя. Ей запретили появляться в гетто, однако, она продолжала активно участвовать в движении сопротивления и спасать еврейских детей. Еще около 2 тысяч из них удалось вырвать из машины смерти, которую запустил Гиммлер. После окончания войны Сендлер передала список лидеру еврейской общины. Некоторые дети из этого списка находились в детских домах в Польше или были отправлены в Палестину. Однако большинство остались в польских семьях, и там успели к ним привыкнуть. Ирена Сендлер не считала себя героиней. «Я делала то, что должна была делать, и не боялась, – рассказывает она, – настоящие герои – это родители и дети, которым пришлось расста-

ваться таким жестоким образом». Героем в ее глазах является Елизавета, которая сейчас руководит «Ассоциацией

Детей Холокоста» и которая, узнав правду о своей судьбе в юношеском возрасте, никогда уже не прекращала заниматься последствиями тех ужасных событий. Многие узнали о том, что они урожденные евреи, лишь в 40-50 лет, и это не могло не привести к переоценке их жизненных ценностей. Елизавета оказывала таким людям моральную поддержку. Однажды маленький мальчик, которого Сендлер передавала в польскую семью после того, как он несколько месяцев провел в детском доме, где за ним присматривала монахиня, спросил Ирену: «Сколько мам может быть у человека?» Ответом на этот вопрос может стать судьба Елизаветы, у которой в жизни было три матери. И она их любила одинаково горячо.

Христианский Сионистский Проект «За Израиль»

После войны Ирену Сендлер продолжала преследовать тайная полиция, так как ее деятельность во время войны спонсировалась польским правительством. Допросы бременной Ирены в конце концов привели к выкидышу ее второго ребенка в 1948 году. В 1965 году Сендлер было присвоено звание «Праведника Мира» еврейской организацией «Яд ва-Шем». Только в этом году польское правительство разрешило ей покинуть пределы страны, чтобы получить награду в Израиле.

В 2003 году Иоанн Павел II прислал Ирене личное письмо. 10 октября она получила Орден Белого орла, высшую награду Польши; а также награду Яна Карского «За Храбре Сердце», данную ей Американским Центром Польской Культуры в Вашингтоне.

В 2006 году польский президент и премьер-министр Израиля выдвигали её кандидатуру на Нобелевскую премию мира, однако премия была присуждена вице-президенту США Альберту Гору.

11 апреля 2007 года Ирена была награждена международным орденом Улыбки.

Ирена Сендлер умерла 12 мая 2008 года в своей комнате в частной лечебнице Варшавы. Ей было 98 лет.

В «Яд ва-Шем», иерусалимском комплексе памяти жертв Катастрофы Европейского еврейства-Холокоста, состоялась церемония присвоения Федору Михайличенко звания Праведника народов мира (посмертно)

Грамоту и медаль получили Юлия и Елена, дочери Федора.

Русский спас

Советский военнопленный спас от смерти главного раввина Тель-Авива.

Они расстались в мае 1945 года за воротами лагеря смерти Бухенвальд.

Потом искали друг друга, но увидеться им больше не довелось.

Более шести десятилетий Исаэль Меир Лау, раввин Тель-Авива, пытался разыскать молодого парня, спасшего его от неминуемой гибели в Бухенвальде.

Тогда, в начале 1945 – го года, Исаэлю Меиру, уроженцу Польши, выходцу из семьи потомственных раввинов, было семь лет. На польский лад его звали Леликом. К тому времени его родители и один из трех братьев погибли в концлагере.

К счастью, с будущим раввином долгое время оставался старший брат, Нафтали, которому удалось пришить на рукав младшему букву «р», означавшую, что заключенный – поляк.

Однако на третий день пребывания в лагере смерти братьев разлучили, и Лелик оказался в «детском» блоке № 8.

В 2005 году в Израиле вышла, принадлежащая перу Исаэля Меира Лау, библиографическая книга «Не поднимай руки на ребенка». В ней автор вспоминает, как его, плачущего, отрывали от брата эсесовские охранники. В последний раз

Нафтали предупредил, чтобы братишку никому не говорил, что он еврей. Несколько дней перепуганный ребенок оставался без еды. Лелик понимал, что помочь ждать неоткуда, но и сам он себе помочь не мог. «И тут появился ангел-спаситель!» - пишет Исаэль Меир Лау. Этим спасителем для несчастного ребенка стал Федор Михайличенко, русский парень из Ростова – на – Дону, курсант мореходного училища, которого в 15 лет по доносу соседки арестовали гестаповцы за связь с городским подпольем. Ангел был всего лишь на десять лет старше Лелика, но вел себя по отношению к нему по-отцовски. «Я бы умер с голоду, - вспоминает Лау в беседе с корреспондентом «Р.Г.», - если бы Федор не воровал для меня картошку, из неё варил суп» «Мы часами стояли на плацу во время перекличек, - продолжал свой рассказ раввин, - и чтобы я не отморозил себе уши, Федор смастерили из кусочков материи, как он их называл, «рукавички для ушей».

«Смерть соседа по койке воспринималась в Лагере как удача, так как можно было занять больше места до прихода следующего транспорта. Одежду умершего тут же делили, в крематорий уносили уже голое тело.

В лагере свирепствовали инфекционные заболевания. Прививки, которые проводили, например, против тифа, часто еще больше способствовали распространению болезней, так как шприцы не меняли. Наиболее тяжелых больных умерщвляли уколом фенода»

«Однажды во время бомбардировки лагеря американской авиацией мой ангел – спаситель прикрыл меня своим телом». Федор знал, что Лелик еврей, и рисковал жизнью, ибо недоносительство в таком случае каралось фашистами смертью. Только благодаря заботе Федора Лелик чувствовал себя в относительной безопасности. За день до освобождения лагеря американцами немецкая охрана начала сгонять обитателей детских бараков на центральную площадь. Охранники обещали открыть ворота и выпустить всех на волю. Немцы действительно открыли ворота, но за ними стояли эсесовцы, которые перестреляли всех, кто оказался на площади. Восемнадцатилетний Федор, который за три лагерных года набрался опыта, догадался о замысле фашистов. Он и еще несколько взрослых ребят смогли найти убежище на территории лагеря для себя и для многих детей. Среди спасенных оказался и будущий раввин. Когда 11 апреля 1945 года солдаты американского генерала Патона освободили Бухенвальд, живыми там остались только 904 ребенка. Около двадцати тысяч детей, вывезенных из разных стран, нашли в лагере свою смерть.

Лау долго искал своего ангела-спасителя по официальным и по неофициальным каналам. Он был близок к успеху еще в 1989 году, когда в составе израильской делегации посетил Москву и встречался с Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым и с Председателем Совета

ПРАВЕДНИКИ МИРА

министров Николаем Рыжковым. Советское руководство включилось в поиск, но Лелик не знал фамилии своего спасителя. Искали просто Федора из Ростова - на Дону, бывшего заключенного концлагеря Бухенвальд. Да и Федор Михайличенко до последних дней своей жизни помнил Лелика. За год до смерти, а умер он 1993 году, на магнитофонной кассете с воспоминаниями о своей жизни Федор тепло говорил о мальчике Лелике, с которым его свела судьба в Бухенвальде. Фамилию своего спасителя раввин Лау узнал сравнительно недавно, когда в ноябре прошлого года для публичного доступа были открыты нацистские архивы. Федор Михайличенко стал 164 - м россиянином, получившим звание Праведника народов мира.

Важный критерий для присвоения – инициатива спасения принадлежит спасителю. В «Библии» говорится: «Кто спасет одну душу – спасет целый мир» У Израиля Меира Лау восемь детей и пятьдесят внуков, пять правнуков. И никого бы из них не было на свете без подвига простого русского человека – Федора Михайличенко.

Дополнительные сведения к статье.

Григорий Рейхман (Израиль)

Федор родился в 1927 году, и в момент начала войны и первого кратковременного, захвата немцами (осенью 1941 года) города, где он жил, ему было не более 15 лет. Второй приход немцев летом 1942 года стал гибельным для еврейского населения, расстрел которого произошел в Змиевской балке. Судьба Федора была такова: его военно-морская школа была эвакуирована из военной зоны в тыл. Федор был болен и оставался с родителями. Сосед донес, и Федора арестовали.

Так в Германии в качестве, скорее, не военнопленного, а «остарбайтера» (т.е. «восточного рабочего») оказался юноша из Ростова, Федор Михайличенко. Ему было 16 лет, когда в Дортмунде его арестовало гестапо и отправило Федора в Бухенвальд, в «детский барак», то есть, в блок номер № 8, где он стал одним из сотен тысяч заключенных, вместо имени был лишь идентификационный номер – 35692. Каждый день для таких заключенных, как Федор, мог стать последним. Каторжные работы, аппель (проверка) в любую погоду, издевательства охраны, голод, холод, повальные эпидемии...

Согласно израильскому закону о Памяти Катастрофы европейского еврейства, принятому в 1951 году, это звание присваивается неевреям, которые, рискуя жизнью, спасли еврея в годы нацизма.

Исаэль Меир Лау до сих пор хранит память о тех событиях. Фото: РГ Российская газета-Неделя»
Остается лишь надеяться, что воспоминания Исаэля Меира Лау «Не поднимай руку на ребенка»,

У почтенного рава Лау сегодня 8 детей, 50 внуков, 5 правнуков, которых мы видим на снимке.

«Концентрационный лагерь Бухенвальд, построенный близ Веймара, начал функционировать 19 июля 1937 года как лагерь для уголовников, но вскоре сюда стали направлять политзаключенных. В июне 1938 года в Бухенвальд прибыла первая группа заключенных, целиком состоящая из евреев. Летом этого года в Бухенвальд перевели 2200 австралийских евреев из Дахау.

С конца 1944 г. при отступлении с оккупированных территорий к востоку от Германии, немцы стали эвакуировать расположенные там лагеря, и тысячи заключенных, среди которых было много евреев, были переведены в Бухенвальд».

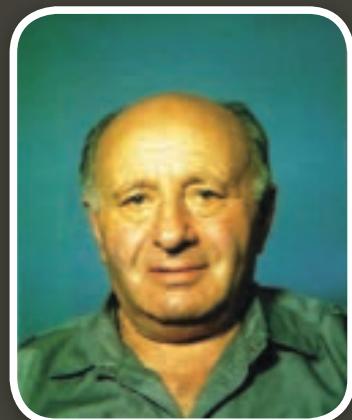
вышедшие на иврите, будут со временем переведены и на русский язык, и одна из глав нового, русского издания, будет посвящена вышеописанным перипетиям, связанным с поисками спасителя, русского Праведника мира из Ростова, Федора Михайличенко...

С НЕВЕСТОЙ МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ В ГЕТТО

Иосиф Теплиц

Я родился в селе Октябрь, что недалеко от Одессы. Семья наша была небольшая – папа, мама, младший брат, которому в начале войны исполнилось всего полтора года, и – я. Каждый год в летние каникулы я уезжал к родственникам в Одессу. Так было и в 1941 году. Но началась война, и дядю, к которому я приехал, забрали на фронт. Я остался в его квартире с 76-летней бабушкой. О своей семье я ничего не знал, но надеялся и верил, что они все живы и здоровы.

Вскоре к Одессе подошли фашистско-румынские войска, и началась эвакуация жителей города. Но бабушка упорно не желала уезжать из Одессы, объясняя свое упорство тем, что советские войска город фашистам не сдадут. А если даже и случится, что немцы войдут в город, то «мы им совсем не нужны». Немцы вошли в Одессу 18 октября. А через неделю всех евреев стали выгонять из домов и этапом, под усиленной охраной увели за город к поселку Дольник, который находился в 10-12 километрах от города. По мере приближения к Дольнику все сильнее слышалась пулеметная и автоматная стрельба. Мы, конечно, сразу догадались, что это за выстрелы и что нас ждет впереди. А через некоторое время мы и сами увидели эту страшную трагедию. Людей расстреливали на краю траншей. В нашей колонне начались крики и плач... В таком состоянии наша колонна продвигалась к своей очереди на расстрел, к траншее. Но вдруг к офицеру, который командовал расстрелом, прискакал на лошади посыльный из штаба и передал ему какой-то приказ. Расстрел сразу прекратился и, (невероятно!) нас пустили по домам. Бабушка сказала: «Вот видишь?! Есть Бог на свете, и он нам помог». Но через неделю нас, всех, оставшихся в живых евреев, стали выгонять из домов и выстраивать в колонны. На этот раз нас погнали в Слободку на суконную фабрику. Там под усиленной охраной румынских солдат уже было много людей. Нам дали работу. Уже начались холода, многие были плохо одеты. Мы находились целыми сутками на улице. Даже ночью. Спали в неотапливаемых помещениях. Многие болели. В начале января 1942 года нас этапом погнали на железнодорожную станцию «Сортировочная» и погрузили в вагоны для перевозки скота – «телятники». Грузили так плотно, что люди стояли, буквально на одной ноге. В таком положении мы ехали около 12 часов. Выгрузили нас ночью на станции Березовка. Освещения совсем не было, кругом лишь горели костры. Но нас здесь не оставили, а погнали дальше. За Березовкой дорога резко поднималась в гору, и бабушка стала отставать. Я пытался ее тащить, но она была очень больна и уже совсем не могла идти. Тогда конвоиры сначала избили её, а потом пристрелили. Так я остался совсем один. Через некоторое время мы пришли в местечко Доманевка. Здесь было гетто. В нем нас продержали в коровниках более недели и почти не кормили. Один раз в день давали сырой бурак и маленький кусочек макухи (семечковый жмых). Потом нас перегнали в какое-то село. Условия были очень тяжелые, жили мы в клетях для свиней. Давали нам невообразимо отвратительную похлебку. Люди умирали от брюшного тифа, от голода и холода. Тот, кто просыпался утром живой, всегда оказывался в окружении покойников. Охранники избивали заключенных постоянно и, как правило, без какого-либо повода. А если было какое-то нарушение, даже самое незначительное, то нарушите-

Одесский «Привоз» – это рынок огромных размеров, имеющий несколько открытых и крытых площадок. Мясной корпус с изделиями, мясной продукции. Домашние колбасы, копченое, вяленое и т. п. Молочный: молоко, творог, брынза и кондитерские изделия. Отдельно Фрукто-овощной отдел. Так же есть и вешевые площадки.

СУДЬБЫ

ля «порядка» тут же расстреливали. Каждый день нас выводили на тяжелые работы.

Рядом со мной было место женщины и ее пятилетней дочки. Мать была швеей, и ее часто брали на работу - обшивать румынских бояр. Однажды, когда она возвращалась с работы в лагерь, охранники застрелили ее за то, что она не смогла ответить им на их вопрос. Когда она упала, из её рта выпал маленький кусочек мамалыги, который она во рту несла своей маленькой дочурке. Надо сказать, что девочка эта выжила и освободилась из фашистского плена. Звали эту девочку Саша Соболь. И она стала впоследствии моей женой. Мы прожили с ней много счастливых лет. В гетто я сдружился с одним мальчиком. Он был старше меня на два года. Мы вдвоем решили совершить побег. На мосту через Южный Буг нас поймали румынские солдаты и очень сильно избили. После этого нас отправили в другой концлагерь в селе Богдановка. Условия здесь были еще страшнее. Но мне и многим другим, оставшимся в живых, повезло. В марте 1944 года нас освободило наступление Советской Армии. Нас, детей без родителей, сразу же разместили в детском доме, который организовали в бывшей школе. В этом же детдоме оказалась и Саша Соболь. Кормили нас в этом детдоме тоже скучно. Однажды солдаты, которые дислоцировались в этом селе, поделились с нами своим однодневным пайком хлеба.

Этот день был для нас настоящим праздником, ведь мы целых три года не ели и не видели даже хотя бы кусочка настоящего хлеба. Когда была освобождена Одесса, 10 апреля, я убежал из детского дома и 200 километров шел, ехал, где мог, на попутном транспорте, добирался до родного города. Но, когда я, грязный и оборванный, пришел в свой город, меня ждали плохие новости. Я не смог найти никого из родных. Я стал воровать на одесском «Привозе»*. Иногда за это били, но никогда не забирали украденное. О судьбе моей семьи я ничего не знал. Однажды на «Привозе» я встретил своего земляка, который сообщил, что мои родители вернулись из эвакуации. Он забрал меня с собой. Встреча с родными была незабываемо радостной. Были слезы, счастье, долгие разговоры... А девочку Сашу удочерил мой дядя, он дал ей свою фамилию - Лернер. Но после регистрации нашего брака она стала Теплиц Александрой Абрамовной. В 1993 году я переехал на свою историческую родину в Израиль. Сейчас живу с сыном и с его семьей.

Война. Одесса в первые дни после освобождения.

Современный Одесский привоз

СУДЬБЫ

Хаим-Замвл, А ГИТЕР ИД ИЗ РЕЗИНЫ

Мила КРИПС. (Нагария)

Я родилась в маленьком бессарабском «еврейском» городке Резина. Здесь жили мои прадеды, мои бабушки и дедушки, здесь родились и выросли мои родители и здесь они, счастливые, поженились. И отсюда мы эвакуировались во время войны. Так случилось, что я больше в этот городок никогда не возвращалась, хотя знаю многое о нём и его жителях.

Жил когда-то в Резине молодой, но уже поднаторевший в еврействе добрый простодушный Хаим-Замвл. Правда, был он чуть-чуть «не от мира сего». Так, Хаим-Замвл не терпел, когда ему переходила дорогу или (что ещё хуже!) встречалась, когда он шёл молиться в синагогу, женщина. А моя, тогда ещё юная мама, хитрющая и «занозистая», изучив расписание жизни Хаим-Замвла и его маршрут, как бы невзначай препрятывала ему дорогу, умудрившись уже с утра испортить доброму человеку настроение. Она вдруг останавливалась перед ним, занятым разговором с самим Богом и шепчущим молитвы. Стоило видеть, как бедолага шарахался от неё, не промолвив ни слова, «разворачивался» назад с тем, чтобы почти по-ленински, пойти «другим путём» (не в революцию - в синагогу!) Хаим-Замвл носил бороду, пейсы и, конечно, чёрный сюртук и ермолку. Он был уже даже женат, но бездетен. Люди любили этого человека за добрый нрав и начитанность, прощали ему определённые странности и называли его «дер фримэр ид» или «дер гитер ид» (набожный еврей, добрый еврей)

Перед самой моей свадьбой бабушка и дедушка пригласили к нам, на Вознесенскую, 85 в Кишиневе Хаим-Замвла, чтобы он дал своё благословение невесте и жениху. И он не счёл за труд - приехал и благословил. Это было трогательно и чудесно! В первые сложные и трудные для нашей семьи месяцы «прямой» абсорбции я вдруг решила, что обязана найти Хаим-Замвла - он опять нас благословит и нам будет хорошо. Я безуспешно его искала. Добираясь в свой послеобеденный ульпан в Бней-Браке и встречая важных «харедим» в собольих шапках и чёрных сюртуках, я останавливалась перед ними, как вкопанная. Заглядывая им, бедным, в залитые потом лица, забыв своюственную мне застенчивость, я быстро произносила на идиш:

- Ир вейст ништ, ви эс гифинт зих Хаим-Замвл, дер гитер ид? (не знаете ли вы, где находится Хаим-Замвл, добрый еврей?)

Не знала я тогда, что сефарды не понимают наш «мамэ-лошн», а иврит я ещё не «вспомнила»! Не знала я и то, что Хаим-Замвл не живёт в Израиле, а находится в Чикаго и беззаботно ухаживает за своей парализованной, прикованной к постели женой, и то, что стал он известным раввом. Я просто хотела чуда - найти Хаим-Замвла, чтобы он стал посредником между мной и Богом. Я так жаждала Божьей помощи!

СУДЬБЫ

...Общая беда высвечивает человека - его волю или безволие, его мужество или трусость, щедрость его души или её ущербность. Общая беда - гетто - высветила ЧЕЛОВЕКА - Хаим-Замвла.

Вот что рассказал мне мой двоюродный брат - Суня Коган, - ныне житель Чикаго. Семья Суни (мама, папа и родители матери - бабушка и дедушка) решили не покидать Резину с началом бомбёжек: оставить дом, привычный уклад жизни - это горькое дело, на которое трудно решиться. А когда они всё же решились на эвакуацию, было уже поздно - попали в Рыбницкое гетто (через Днестр, напротив Резины).

Отец Суни, мой дядя Рувин (брать моей мамы), бабушка и дедушка Суни умерли от брюшного тифа, а они с мамой голодали и мёрзли. В гетто находились и Хаим-Замвл с женой. Как только мог, Хаим-Замвл поддерживал евреев добрым словом, каким-то образом достававшимися ему лекарствами и продуктами, молился за всех и за каждого. Так он скрашивал хоть не-надолго невыносимую их жизнь... В один из холодных слякотных осенних дней всех жителей гетто - женщин, детей, старииков - согнали на берег Днестра и заставили рыть себе могилы: всех должны были в этот день расстрелять. Тётя Ливша со своим сыном - 12-летним Суней, Хаим-Замвл со своей женой, вырыв ямы, стояли рядом. Обжигающую душу тишину прерывало лишь всхлипывание кого-то из детей или старииков. Румынские солдаты уже приказали несчастным снять с себя одежду и обувь. Все ждали конца... Стоя у вырытой могилы, мальчик Суня трясясь от холода и страха. А рядом молился Хаим-Замвл. Заглянув в глаза моему брату, он сказал:

- Об ништ мойрэ. Сунялэ, бару иг зих! Гот ис мит дир! Гот ис а тотэ! Ми дарф зайн штарк ун глебн! Об ништ мойрэ, майн кинд! (не бойся, Сунялэ, успокойся! Бог с тобой. Бог - отец, надо быть сильным и верить. Успокойся, мой маленький!)

И он гладил, гладил голову мальчика и молился... И тут свершилось чудо! Подъехал верхом на коне немецкий офицер и остановил страшную процедуру расстрела - оказывается, прибыл приказ свыше отменить акцию. Людям разрешили одеться и вернуться в бараки.

До сих пор Суня, Серафим Коган, дед взрослого внука, ничего не забыл - нужно помнить: без ПАМЯТИ теряется связь времён, без ПАМЯТИ мы неотвратимо теряем самих себя!

До самого освобождения Молдавии советскими войсками и вызволения из гетто, Хаим-Замвл каждое утро брал с собой Суню, и они ходили на Днестр купаться. Зимой Днестр замерзал. Они пробурали топориком лёд и окунались с головой в воду несколько раз. Вода делала своё дело - уносила с собой плохое - горести и беды, - насколько это было возможно. И пришёл-таки конец насилию и издевательствам, пришло освобождение. А ВЕРУ в него, в это освобождение, ежеминутно поддерживал в несчастных людях странноватый, добросердечный и мужественный «гитер ид» - Хаим-Замвл из Резины, зиждено лэ-враха.

Портрет Адольфа Гитлера в младенчестве.

«Знать бы, задушить бы в колыбели,

Впрочем, отыскался бы другой...»

ДЕТИ ТРАНСНИСТРИИ

Гиль (Юрий) Кремер

ПРОЛОГ

За год до нападения фашистов на Россию Северная Буковина стала частью СССР. В первые дни войны и после того, как Советы поспешили оставить эту территорию на «попечение» румынских властей, еврейское население нашего местечка осталось беззащитным перед местными националистами. Советы удрали от быстро наступающих немцев на несколько дней раньше, чем румыны успели ввести свои войска. И местные националисты, воспользовавшись ничьей властью, расстреляли большинство еврейского населения, проживающего в местечках и сёлах Буковины. Когда вошли румынские регулярные войска, они собрали чудом уцелевшие считанные еврейские семьи и отправили их в Черновицкое гетто. Через короткое время нас в вагонах для скота отправили в лагерь Транснистрия.

1. СИРОТА ИЗ ГЕТТО

Я расскажу о сиротах Транснистрии. В 1942-м году, вдобавок к страданиям от голода, холода, от неимоверной тесноты проживания, разыгралась эпидемия сыпного тифа. Притом, в таких масштабах, что через некоторое время появилось большое количество круглых сирот. Дети оставались на произвол судьбы. Немногих приютили родственники или просто хорошие люди. Но все жили в тяжёлых условиях, и поэтому взять к себе чужого ребёнка, хоть и сироту, - это было большой обузой. Я к тому времени тоже осиротел: мой дорогой отец - единственный врач в лагере, доктор Игнац Кремер, заразился от своих больных и на моих детских глазах, после десяти дней изнурительно тяжелой болезни, скончался в страшных муках. Ему было всего 35 лет, а мне - 8. Я оставался с мамой и с бабушкой. Надо сказать, что к тому времени в лагере организовалось какое-то самоуправление, и ему удавалось через Красный Крест получать мизерную помощь от «Джойнта». Это самоуправление назначило мою маму - вдову доктора Кремера, ответственной за группу круглых сирот. Возможно, за счёт этого мы и выжили, но в связи с этим меня постигло одно из самых трагических событий в моём детстве. Дело в том, что диктатор Румынии Антонеску согласился с Международной организацией «Джойнт» вернуть круглых сирот из Транснистрии в Румынию. Мой маме поручили составить списки детей для этого транспорта, и она внесла мое имя в этот список, как, якобы, круглого сироту. Тогда уже с ужасающей настойчивостью ползли слухи о том, что при отступлении румыны расстреляют всех евреев, и мама решила спасти меня от верной смерти. Я до сих пор помню, как меня силой втолкнули в вагон, я истерически отбивался руками и ногами и кричал: «Выпустите меня. Это ошибка, я не круглый сирота, я хочу к своей маме!».... Скоро транспорт двинулся, а через сутки мы оказались в детском доме в городе Бузыу. Я не переставал плакать днём и ночью, так сильно скучал по маме. Я её, да будет ей вечная память, очень любил... Не прошло и нескольких дней, как в нашем детдоме появились богатые еврейские люди, чтобы забрать к себе домой по одному из сирот. Здесь надо отметить, что румынские прихвостни нацистов не депортировали тех евреев Южной Буковины, которые не побывали в 1939 году «под Советами».

2. НОВЫЕ РОДИТЕЛИ

Я попал в очень богатую семью, в город Васлуй. Семья Йершкович. Поговаривали, что все леса в округе принадлежали им. В этой семье было 2 сына моего возраста. Одного из них звали Неллу, а имя второго я запамятовал. Никакая роскошь меня не привлекала и не успокаивала, ничего меня не радовало.

Гетто Транснистрии

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

Мне казалось, что я умру от тоски по маме. По вечерам я ложился в постель, накрывался с головой и плакал горькими слезами. Мадам Нершкович подходила и незаметно засовывала мне под одеяло кусок шоколада, надеясь так подсластить мою печаль, отвлечь и успокоить меня. Шли месяцы, и у меня, по неизвестной причине, стали появляться на теле язвы. Я думаю, это были последствия нервного потрясения и антисанитарии в гетто. В семье, которая приняла меня, были две собаки, с которыми я очень сдружился, часто их гладил, а они лизали мои раны на ногах. Как оказалась гораздо позднее, они мне этим лизанием внесли инфекцию, и я получил настоящий фурункулэз. Шёл уже 1944-ый год. Красная Армия вошла в Васлуй, и однажды, потеряв надежду увидеть свою маму, я украл в семье приютивших меня людей буханку хлеба и убежал на вокзал.

3. ДОРОГА ДОМОЙ

Больной, на открытых платформах с ранеными бойцами, возвращавшимися с фронта, я стал добираться в Черновцы, где надеялся встретиться с мамой, вернувшейся из Транснистрии. По дороге мне встречались люди, которые убеждали меня, что это напрасные надежды: дескать, немцы перед отступлением загнали всех евреев на Могилёвский мост через Днестр и взорвали его. Там, дескать, никто не спасся. Представьте себе, как моё детское сердце обливалось кровью при таких сообщениях. И всё - таки я добрался до Черновиц. Я свалился на пороге у закрытых дверей квартиры моей бабушки. Бабушки не было дома. Вернувшись домой, она подобрала меня, полуживого, с температурой 39,5, в рваной одежде, прилипшей к телу из-за гнойных фурункулов. Первое, что я спросил, когда очнулся: «Где мама?». - «Она с нами, она на работе, скоро вернётся», - успокоила меня бабушка. Я успел счастливо улыбнуться и снова потерял сознание. Очнулся я в больнице, где провался целый месяц. Мне делали вливание маминой крови, и только таким образом удалось вытащить меня из инфекционной болезни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Напоследок я хочу вернуться к тому времени, когда я после гетто оказался в детдоме. Дело в том, что детей, вывезенных из гетто, сразу же по прибытию из Транснистрии «Джойнт» постановил отправить в Палестину. Снова стали составлять списки сирот, которые вскоре должны были отправиться туда морским путём. Я отказывался, утверждая, что я не круглый сирота, что моя мама жива, и я не поеду никуда. Два транспорта с детьми ушли тогда из Констанцы к берегам Палестины. Но только один корабль добрался до места назначения. Второй был торпедирован немецкими подводными лодками, и 1000 детей – сирот Транснистрии погибли. Да будет им вечная память. А те, которые прибыли, влились в ряды первых строителей Ерец Израэля.

Транснистрия была образована в соответствии с немецко-румынским договором, подписанным в Бендерах 30 августа 1941 года. По этому договору территория между Южным Бугом и Днестром, включающая части Винницкой, Одесской, Николаевской областей Украины и левобережную часть Молдавии, переходила под юрисдикцию и управление Румынии. На этой территории румыны организовали лагерь для евреев северной Буковины и Бессарабии, которые, по мнению фашистов, слишком радужно встретили в 1939 году советскую власть.

■ ■ ■

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

ОТ ЭТОЙ БОЛИ СПАСАЕТ ТОЛЬКО СМЕРТЬ

Я никогда не думала, что останусь в живых и смогу рассказать людям о страшной трагедии, которая выпала на мою долю только лишь за то, что я – еврейка.

НАЧАЛО

Мне было 14 лет, когда в 1941 году нас настигла война в Кишиневе. Сквозь горящий город моя семья пыталась бежать. Мы перешли Днестр и продолжали идти по дорогам в глубь страны под непрекращающимся обстрелом немецких самолетов. Под Николаевым война догнала нас. Румынские войска преграждали дорогу беженцам, окружали их и гнали в Березовку. Там было гетто. Туда согнали тысячи людей. Это было царство голода и болезни. Но оказалось, что может быть еще хуже. Через месяц или полтора большую партию евреев, в которую попала и наша семья, румынские жандармы погнали в другой населенный пункт. Это было ужасное место: полуразрушенные бараки без окон. К голоду и болезням добавился пронзительный холод. Все это вместе валило людей безжалостной смертельной косой. Тысячами умирали, тем более, что больных и обессиленных просто убивали на месте. Наступил холодный ноябрь. В самом конце месяца, когда дыхание близкого лютого декабря уже давало о себе знать по ночам, нас опять выгнали в голую пронзенную ветром степь. Теперь нас направили в сторону Богдановки. Старых и тех, кто отставал, пристреливали. Румынские конвоиры наставляли на обессиленных своих сторожевых собак, кровожадных, как стая волков. Под проливными ледяными дождями мы должны были проходить в день 15- 18 километров. Наконец мы добрались до места. Бывший свиносовхоз. Богдановка.

Стало ясно, что это- лагерь смерти. Свинофермы, примерно 18 сараев на горе на берегу реки Буг. Огромная площадь устлана голыми, застывшими трупами людей, погубленных холодом и тифом. На вновь прибывших тотчас навалилась смерть. Каждый день из бараков выволакивали по 200-300

умерших. Трупы раздевали, чтобы их одежду поменять на крохи пропитания. Люди все прибывали и прибывали. Десятки тысяч со всей Украины и из Бессарабии. Часть людей тут же сгоняли в большой Богдановский лес и расстреливали (позже по найденным архивам установили, что расстреляно в этот период было 60 000 человек) Для нас, полуживых после невыносимо тяжелой дороги, не нашлось места в свинарниках. Нас загнали в конюшни, где еще были лошади. А люди все прибывали и прибывали. Они не знали, что в конце дороги их ждала смерть. В воздухе стоял зловонный смог растления. Грязь и вонь побудила соседние немецкие соединения приступить к решительным действиям, по их понятиям, более простым, рациональным.

БОЙНЯ

21 декабря 1941 года в Богдановке стоял сорокаградусный мороз. В небольшом лесочке рядом со свинарниками был выбран овраг. (Потом его назовут «Богдановская яма») Обреченных, раздетых до гола, выстраивали на краю оврага. Палачи стояли в нескольких шагах позади них. Стреляли в спины. На дне оврага заранее разожгли костры, в которые падали пристреленные, в большинстве даже только раненые: снизу слышны были их крики. На детей пуль не тратили. Их просто сталкивали в костры. А в это время несколько свинарников, в которых находились те, кто не в состоянии был встать и дойти до оврага, облили бензином и сожгли.

Палачи очень спешили. Им хотелось управиться до наступления праздничного рождества. Но больше, чем 3000 в день они не успевали уничтожить. Наша очередь подошла 23 декабря. Нас гнали толпой, избивая прикладами – торопили. Мой брат (ему был 21 год) заметил еврея, который крутился среди полицаев. Брат попытался пробраться к нему сквозь толпу. Он надеялся предложить через этого еврея убийцам золото, выкупить наши жизни. Ведь кое-кого все-таки оставляли для работ в лагере. Румынский жандарм заметил брата и решил, что тот пытается сбежать. Выстрелом в голову он уложил подозреваемого намертво. Страшный крик перекосил мамино лицо. Она бросилась на грудь сына. К ней подоспел солдат. Он зверски избивал ее. Но она так и осталась лежать на груди мертвого сына. Мы все это видели. Пина, (19 лет) невеста моего погибшего брата, прижала меня и моего братишку- близнеца (Нам было по 14 лет) к себе. Она держала наши руки и головы, не давая нам шевельнуться. Нас стали гнать к яме, но двигалась наша «партия» медленно. Впереди была еще уйма народа. Пять шагов – и остановка на полчаса. В этой заминке Пина снова увидела того человека, к которому хотел прорваться мой погибший брат. Ей удалось подозвать этого еврея и пообещать через него палачам золото. К нам подошел полицай. Он взял меня и Пину. Братишку он брать не захотел. Больше я братишку не увидела. А полицай отвел нас в сторону. Нам оставили жизнь, включив в команду пятидесяти женщин, которые должны были работать на сортировке вещей, снятых с людей перед расстрелом. В этой команде было также 150 мужчин. Часть этой мужской команды работала по очистке территории от старых трупов. А другая часть...

Они должны были стоять у ямы и толкать расстрелянных вниз, в огонь. Среди тех, кого они сталкивали, были и их близкие, родные... Их родители, жены. Их дети.

МАМА

В сумерки мы вернулись на ночлег туда, откуда утром нас забрали. Там на полу лежали люди, человек 30. Один мужчина сразу же сказал мне, что моя мама здесь, что она лежит в помещении, которое рядом. Это был шок. В тем-

**ОТ РЕДАКЦИИ. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!!!
ДЕТЯМ, А ТАК ЖЕ ВЗРОСЛЫМ СО СЛАБЫМИ НЕРВАМИ
ИЛИ С НЕЗДОРОВЫМ СЕРДЦЕМ ЭТУ ДОКУМЕНТАЛЬНУЮ
ГЛАВУ ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ**

...О них мне жутко вспоминать. Жизнь прошла. А я до сих пор лишь огромным усилием воли заставляю себя написать о них. Я говорю себе: «Ты должна! Ты должна сказать всю правду. Всю! От начала до конца. Все, как есть. Как было...

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

Один из представителей Германии в Бухаресте Густав Гюнтер сообщал, что в середине октября 1941 года маршал Антонеску приказал уничтожить 25 тыс. депортированных из Бессарабии и Буковины и 85 тыс. евреев из Одессы и Южной Транснистрии... Антонеску объявил о переходе к политике уничтожения еврейского населения: «Загоните их в катакомбы, сбросьте в Черное море! Мне всё равно, погибнет ли сто, погибнет ли тысяча, погибнут ли все!»

ноте я искала ее. Она услыхала мой голос. Позвала меня: «Фира, я здесь. Пойдь ко мне, доченька» Я склонилась над ней. В полуутьме я с болью увидела ее отекшее от побоев лицо, залитые кровью глаза, поклонченное тело. Я обнимала ее и плакала. Плакала я от счастья, что она жива, что она нашлась. Медленно, тихо, с одышкой, превозмогая боль, мама рассказала, как она очнулась, как встала и побрела куда-то, как добралась до этого помещения, лежала одна в полубреду, страдая от боли, от жажды. Молясь, она просила у Бога смерти, потому что только смерть спасает от боли. И тело и душу. Но её не тронули. Все были у ямы. «Видно, Бог не хочет, чтобы ты осталась сиротой». У меня в карманах были бинты, которые я собрала во время сортировки. Я согревала руками снег, отмыла мамину лицо от крови, дала ей напиться, а потом забинтовала ей голову и лицо, и руки. Всю ночь я просидела рядом с ней, думая о том, как ее спасти, куда ее спрятать. На рассвете я решила искать бригадиршу, чтобы с ней все решить. Я сказала маме о своем решении, вышла. Но тут же услыхала мамин крик. Я увидела, как ее избивает жандарм, рванулась к ней, но люди, которые ночевали в этом помещении, держали меня за руки. Я рвала и кричала, что я нашла свою мать не для того, чтобы увидеть еще раз, как ее убивают. Маме было всего 42 года...

Три дня ее тело пролежало на горе трупов у стены, на той самой горе, где было и тело ее сына...

РАЗВЕ ЭТО МОЖНО ПЕРЕЖИТЬ?

Мы с Пиной были еще живы. Мы работали на улице. Морозы были лютые. Мы слышали крики людей, которых убивали фашисты, мы ходили среди трупов, мы питались тем, что нам удавалось найти у погибших, спали на земляном полу там, где валила нас усталость. Заболела Пина. Дизентерия. Я боялась оставить девушки лежать, чтобы ее не пристрелили. С самого утра я тащила ее с собой на работу. Однажды я увидела, что она пошла к жандарму. Она просила его отпустить ее в барак, потому что она заболела.

Он убил ее выстрелом в голову: «Нам не нужно больных собак». Я видела все. Я видела, как она еще билась в судорогах, как

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

он сапогом размозжил ее голову, как с отвращением очищал свой плащ от брызгов ее крови.

Как я не сошла с ума? Я существовала. Я ни о чем не могла думать. Я не знала, зачем мне жить дальше, зачем мне эти страдания. Я не видела, что уже наступила весна. Опять заволновались, засуетились местные власти: яма была переполнена, а сверху в нее еще и ссыпался мусор. От недогоревших тел шел черный дым. Воздух был грязный и тяжелый. Были быстро приняты меры. Согнали мужчин, которые кирками и лопатами раскапывали недогоревшие тела, а женщины на носилках переносили их и сбрасывали в новую яму. Боже! Разве можно было не сойти с ума от всего этого?! Когда ты видишь это и думаешь: «Это –

рука моей мамы? А это часть тела моего брата?»...

В конце марта 1944 года нас осталось не более ста человек.

Немцы собираются отступать. А мы опять ждем смерти от карательных отрядов. Слух о них все настойчивее. Но однажды староста лагеря пришел от коменданта и сказал нам: «Бегите! Держитесь степи и леса. В поселения не заходите. Убьют».

Так я осталась жива. Но страшная память – боль не покидает меня, как никогда незаживающая рана. Эту боль успокоит только смерть.

Документальные воспоминания ЭСТЕР ГЕЛЬБЕЛЬМАН
подготовила к публикации ЛЮДМИЛА БАРАНОВСКАЯ

Согласно бухарестскому приказу № 23, осенью 1941 года все бессарабские и украинские евреи были интернированы в четыре главных пункта: Богдановка, Доманевка, Акмечетка и Березовка. Одним из крупнейших лагерей смерти стал лагерь в Богдановке. По сообщению префекта уезда Голта, на 13 ноября 1941 года в лагере находилось 28 тыс. евреев, из них 18 тыс. живых и 10 тыс. умерших, но не захороненных. Все живые были больны тифом и туберкулезом. Сюда же направлялось еще до тыс. . .

Обелиск в Богдановке

Три рассказа от частного детектива Ефима КАПЛУН

1. НЕИЗВЕСТНЫЕ МАТРОСЫ

Им поставили памятник, хотя никто не знает их имен. Памятник стоит на острове Джарыггач в Херсонской области. Изображён на нем матрос с автоматом. Матрос вглядывается в даль, а отдыхающие из соседних санаториев непременно фотографируются у памятника. А потом, не задерживаясь долго, отправляются в «свободное плаванье» по острову. Сейчас – свободное. А во время войны...

Так случилось, что на стратегически важном острове Джарыггач, призванном защищать город Ростов – на - Дону, к моменту гитлеровского наступления находился крошечный гарнизон: всего 15 человек, из которых двое – подростки. А фашисты решили именно здесь высадить десант. Город был совершенно не подготовлен к обороне. Наспех выкрасили дома в черный цвет, чтобы затруднить бомбардировку, с опозданием завезли зенитки, которые, по идее, должны были защищать город от воздушных налетов.

Но почему-то били эти зенитки, как правило, не во время бомбёжек, а после. И всегда мимо улетающих налетчиков. Воинских частей в городе не было, так что минимальные оборонные работы

воплощались руками гражданских лиц, женщин и детей - сирот, старииков и девушки – студенток. Какие-то рвы и валы соорудили, но это была очень слабая защита.

Пятнадцать моряков с острова вызвали огонь на себя и долго не пропускали десантников к городу. Стояли – до последнего. Ростов - на - Дону успел эвакуировать хотя бы частично гражданское население, в том числе и евреев, которым грозило неминуемое истребление. Не известно, остался ли в живых хоть один из пятнадцати. И если кто-то выжил, то как сложилась его судьба? Быть может, кто-то, кто прочтет мой документальный короткий рассказ, знает о судьбе моряков хоть что-то больше, чем известно всем? Каждая страница в истории Второй мировой войны – бесцenna. Хорошо бы восстановить и этот пропал в истории Войны.

2. КАК НАС СПАСАЛИ

Место моего рождения – еврейское местечко Ингулец Днепропетровской области. В момент начала военных действий на территории Украины я находился в оздоровительном лагере, в непосредственной близости от которого произошло столкновение немецкого десанта с группой призывников местного военного комиссариата.

В результате – дети из санатория были захвачены немцами, закрыты в синагоге, которую тут же и подожгли. Местные жители, пытаясь спасти детей, немедленно предложили фашистам в обмен за жизнь каждого ребенка золото из клада, сохранившегося еще, вероятно, со времен окончания гражданской войны. Убедившись в достоверности

Памятник советским матросам.
Джарыггач в Херсонской области.

Моряки боролись за наше спасение

клада, десантники организовали спасение детей, вернее тех из них, кто еще остался в живых. Фашисты предоставили транспорт для переправки детей через линию фронта (Скорее всего, за дополнительную плату и чтобы побыстрее замести следы перед своим командованием). Весь путь к спасению от места трагедии нас, детей, можно было бы и не бомбить, мы бы и сами ушли в мир иной, оказавшись без медицинской помощи. Но весь путь нас спасали чужие люди. Эти никому не известные люди, настоящие праведники, рискуя своими жизнями, прикрывали нас своими телами. Дорога в эвакуацию была сплошным чудом. Мы могли погибнуть во время шторма в Каспийском море. Пароход потерял управление. То же самое могло случиться и на реке Урал, по которой нас, больных детей, переправляли в немецкую колонию (к депортированным из Волги гражданам Советского Союза), где находился всего один единственный врач. Катер сел на мель, и мы остались без продуктов питания. Но в обоих случаях моряки под командованием своих капитанов боролись за наше спасение. Через некоторое время меня нашла моя мама, обогревшего, без сознания. Но – живого.

3. КАК МОЙ БРАТ МАРК КАПЛУН стал Дмитрием Зинченко.

Марк родился в 1926 году. Не очень веря слухам о расправах фашистских оккупантов над еврейским населением, семья не сразу решилась покинуть родное село Ингулец. А когда нависшая угроза стала зловеще очевидной, наскоро собрались в дальний путь. Немногим, бежавшим в последний час, удалось добраться до железной дороги, уцелеть после бомбёжек, пожаров, эпидемий, изнуряющего голода. В большинстве случаев немцы оказывались проворнее и, опередив беглецов, возвращали их. Началась новая жизнь в гетто, полная невиданных страданий. Вскоре немцы отобрали мужчин и подростков для дорожных работ. Во время работы три человека сбежали. Недолго думая, фашисты построили колонну и начали расстреливать первую шеренгу. Вот уже очередь второй. В наступающей темноте мужчины встали вместо детей. Расстреляв вторую шеренгу, немцы погнали колонну, не оглядываясь на тех, кто остался лежать на дороге.

Из - под трупов выползли трое уцелевших. Они перевязали друг другу раны. Среди них оказался и отец Марка. В ту же ночь из гетто бежали еще сорок человек. После долгих скитаний они вышли к партизанам. Командир отряда выдал многим из них документы на чужие фамилии и помог перейти линию фронта. Так Марк Каплун стал Дмитрием Зинченко. Он пошел добровольцем в Красную Армию и попал в самое пекло под Сталинградом. Из-за юного возраста в 42 году ему еще не выдали красноармейскую книжку. Лишь через год он ее получил и был направлен на передовую. При форсировании Днепра он был ранен, но после госпиталя продолжил боевой путь, стал младшим сержантом, затем сержантом. В 45-ом стал помощником комвзвода, воевал до Победы, хотя еще несколько раз был ранен. В 45-ом четыре месяца жил с загипсованной левой рукой, в 46-ом заболел туберкулезом. Болезнь протекала тяжело, давали о себе знать многочисленные боевые ранения. В 1949 году Марка не стало. Незадолго до его смерти в Днепропетровском туберкулезном диспансере состоялся суд, на котором в присутствии лечащего врача и медсестры отец Зинченко Димы рассказал о том, как Марк Каплун стал Димой Зинченко...

Валентин Милькин

Горящая синагога

Расстрел колонны

«МЫ НЕ

БЕЗМОЛВНЫЕ ЖЕРТВЫ!»...

Яков Маниович: «Создание единой медали, которой награждают участников борьбы на стороне антигитлеровской коалиции и солдат Румынской армии и солдат СС-дивизии — не просто абсурд, а попытка изменить ход истории, попытка обелить тех, кто воевал не за, а против справедливости»

О нем знают и в Украине и в Израиле. Его и в России наградили Золотой медалью имени знаменитого адвоката Федора Плева-ко: «По решению Гильдии российских адвокатов медаль вручена израильскому адвокату Якову Маниовичу. Уроженец Одессы, Яков Маниович был свидетелем нацистских преступлений в родном городе и всю жизнь посвятил увековечиванию памяти невинных жертв фашизма». В качестве адвоката он вел непримиримую борьбу против преследования инакомыслящих, против проявлений антисемитизма и ксенофобии. Имя Маниовича в Одессе популярно. Он родился в Одессе и навсегда остался одесситом. «ОДЕСИТ - это не тот человек, который живет в Одессе, - как-то сказал он в интервью с журналисткой Натальей Симисиновой, - а тот, который носит ее в своем сердце. Я из этой категории»

Он жил на Тираспольской, 12. На Тираспольской, 14 находилась русская школа, а на Тираспольской, 10 - польская. На углу Островицова - еврейская. Недалеко - армянская. «Мы все гуляли, «босяковали» вместе» Его первой любовью была армянская девочка. «Уважались все национальности. Именно эта терпимость, толерантность, изначально сделала Одессу Одессой. Одесский национальный характер вобрал в себя лучшее от всех, кто приехал когда-то давным-давно из разных стран строить вольный город». И вдруг в этот вольный город ступил фашистский сапог ...

По трагическому стечению обстоятельств, уже будучи в армии, Яков оказался в городе, в который вошли фашисты.

«Я тогда уже был в армии, только-только призвался, и по трагической случайности - меня отправили с пакетом в город, разрешили переночевать, зная, что у меня большая мать, по трагической случайности я остался. Я несколько раз пытался покинуть город, но ничего не вышло. И все происходило на моих глазах. .. Мы с товарищем шли по Тираспольской, дошли до Александровского проспекта и увидели горы трупов оголенных женщин и детей».

Четыре угла были заполнены трупами. А сам проспект был превращен в страшную виселицу: между деревьями были переброшены доски и сотни повешенных, как страшные гирлянды болтались между деревьями. Народ, стоявший тут же, в очередях на регистрацию, часами наблюдал все это.

А через два дня, когда была взорвана телефонная станция, репрессии ужесточились. Тут же последовал приказ - всему еврейскому населению под страхом смерти выйти на Дальницкую дорогу и явиться в село Дальник. И по улицам города потекла страшная человеческая река: женщины, дети, старики со своими вещами, которые эти люди были в состоянии нести. В этом потоке шел и Яков со своей 38-летней мамой, с теткой и с другими родственниками, с соседями и знакомыми. Обреченные лица, потухшие глаза. Этого забыть

ГЕРОИЗМ

невозможно. И он не забудет. О Якове Маниовиче говорят, что у него особый талант памяти. У него - Действующая память. Он не просто помнит, он делает все от него зависящее, чтобы помнили и другие и знали все. Он глубоко уверен, что евреи – не безмолвные жертвы.

«Мы, ветераны войны (всех национальностей) никогда не считали евреев «безмолвными жертвами», т. к. знаем о массовом героизме евреев – солдат и офицеров Армий антигитлеровской Коалиции, внесших свой вклад в Великую Победу. Не знает этого лишь тот, кто не хочет знать...» - пишет в своей книге «Уничтожение евреев на юге Украины» Яков Маниович – адвокат – нотариус, Председатель Комиссии по международным связям Союза воинов и партизан-инвалидов войны против нацизма, узник лагеря смерти «Богдановка»... Да, не минула его эта скорбная чаша. Он был в этом лагере смерти, он видел, он прошел все эти ужасы. Он пережил такое, что не всякий может: на его глазах горел барак, в котором с толпой обреченных была закрыта и его мама. «Крики сжигаемых живьем, крики оставшихся в остальных (Еще не подожженных) бараках потрясали, но... казнь продолжалась... Я трижды бежал из лагеря, но дважды вынужден был вернуться... Мне трудно описать, что я лично претерпел, видел, ощущал – трагедию народа, безвыходность»

И все-таки Яков нашел выход. Третий побег был последним.

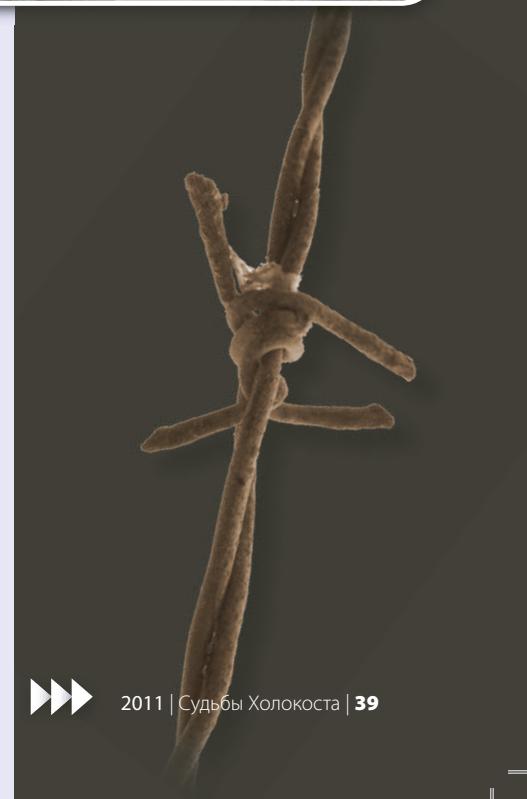
«Начался мой обратный путь в Одессу... А куда мне было еще идти? Я ничего не понимал, надо было где-то спрятаться. Я вернулся в свой родной двор. И меня спасали соседи. Все по очереди... Даже Авеличевы, пьяницы Авеличевы, которые, напиваясь, до войны кричали под балконом моей тетки - пианистки: «Бей жидов, спасай Россию!». Так вот, мало кто так самоотверженно спасал евреев, как эти Авеличевы... А ведь все мои соседи, все эти русские и украинские женщины, остались с малыми детьми – их мужья были на фронте. Так вот, все эти люди по-настоящему рисковали жизнью...» «Меня тяжело больного, замороженного, завшивленного привезли в дальнее село Николаевской области, меня под охрану взял весь народ села Грибова, дети, взрослые и даже местная полиция, зная, что я бежал из лагеря, зная, что я еврей по происхождению» - эти воспоминания Якова еще раз свидетельствуют о таланте Маниовича, о таланте помнить и быть благодарным всю жизнь тем людям, которые спасли его, еврейского мальчика, от смерти. Спасенных много. Но помнить так, как помнит он, способны только избранные. Это он на свои деньги, построил в Прохоровском сквере мемориальный комплекс погибшим и заложил аллею праведников, где у каждой березки есть свое имя. Там же и имена спасших его соседей, без которых ничего бы не было: ни мира, ни жизни.

Он видел фашизм вблизи. И теперь делает все, чтобы этот кошмар никогда не повторился. Фашизм, который опасен прежде всего своей нетерпимостью ко всему другому, будь – то цвет кожи или форма черепа. А Маниович, победивший фашизм в 45-ом, понимает, что только терпимость, только толерантность спасут мир и помогут человечеству выжить. Человечеству и каждому отдельному человеку в каждой отдельно взятой стране.

Спасенный Яков вернулся в ряды действующей Армии, участвовал в освобождении Одессы от фашистов. Он сражался в знаме-

«У нас сегодня появляются крохотные ростки нетерпимости к другим людям. Я боюсь того, что из маленького беспамятства вырастет полная потеря памяти. И нелюбовь к не таким, как ты...»

Я. Маниович

ГЕРОИЗМ

нитой 25-ой Чапаевской дивизии. Это о её бойцах написал статью в газете «Правда» ее командир генерал-майор Петров: «Трудности неизмеримы. Но среди защитников города нет ни трусов, ни нытиков... Они будут драться до последней капли крови».

Сегодня Яков Маниович, гражданин Израиля - кавалер «Золотой медали Федорова Плевако»- за демократическую адвокатскую деятельность. А еще: его наградил Борис Ельцин, будучи президентом России, Орденом «Дружбы народов». Из рук Владимира Путина он получил Большую серебряную звезду «Общественное признание». Леонид Кучма - экс президент Украины - вручил ему орден «За заслуги». Яков Маниович ведет огромную общественную работу, являясь Почетным членом Всемирного конгресса украинских юристов, Председателем комиссии по международным связям воинов-партизан и инвалидов против нацизма. Он издатель газеты «Одесские корни». Председатель Всеизраильского землячества «Одесса»,

города. В годы войны он получил тяжелое ранение, которое с каждым годом все больше дает о себе знать. Особенno больно ветерану было узнать, что правительство Румынии оправдало румынских диктаторов, повинных в гибели тысяч людей, оправдало осужденных в послевоенные годы. А в соседней Молдавии учреждена награда, которой уравняли воинов немецких и советских армий. Маниович заявляет, что намерен добиваться отмены этих решений, дабы не дать переиначивать ход истории, которая происходила на его глазах во время войны.

В течение многих лет, занимая общественную должность председателя комиссии по международным связям израильского Союза воинов и партизан-инвалидов против нацизма, он внес огромный вклад в укрепление добрососедских связей между Израилем и Украиной и увековечение в Украине памяти 240 тысяч евреев, уничтоженных немецко-румынскими фашистами и их украинскими пособниками на всем протяжении кровавой «Дороги смерти» от Одессы до Богдановки.

...Площадь «Памяти погибших евреев», Аллеи праведников, Сквер памяти жертв нацизма — эти первые в Европе мемориалы, посвященные «Дороге смерти», — сооружены на его личные средства...

Скульптура состоит из шести человеческих фигур, выполненных в полный рост. Они стоят на краю рва, в который гонят на смерть расстреливаемых людей. На фасаде памятника стоит еврейская семья - мужчина и женщина с ребёнком. Она закрывает ему глаза, чтобы защитить от ужаса. Позади семьи расположены ещё три фигуры смертников. На постаменте установлена бронзовая доска, где на трёх языках, русском, украинском и иврите выгравировано всего 3 слова: «Холокост - никогда больше!» Потому что воистину никто и ничто не имеет право быть забытым, потому что ПАМЯТЬ, как набат, должна предупреждать об опасности и, как вечный зов, она должна благодарно просветлять души людей. Преступно забывать те времена, когда молчание привело к Холокосту.

Одесса предоставила для скульптуры Зураба Церетели фонтан «Льющиеся слезы». В центре фонтана возвели символический утес, на котором установлена скульптурная группа - памятник жертвам нацизма...

О НАШЕМ ЛЮБИМОМ И ДОРОГОМ

Я родилась в галуте. То есть, я этого, конечно, не знала. Алма-Ата был для меня просто родным городом и им же остался. Сорок лет жизни, счастливой и трагической, прошли там. О войне я знала то, что положено было знать советской школьнице - отличнице, пионерке, комсомолке... Что скрывалось за молчанием моих родителей, я поняла гораздо позже. Моя мама, Доротея Карловна Барская, известный адвокат, умерла вскоре после того, как мы приехали в 1992 году в Израиль. А папа, бывший главный инженер крупного проектного института, спокойно взялся за метлу и за ночные «сторожевания» в свои 70 лет. Он всегда был рядом, без громких слов заменив внукам отца. (Мой любимый муж ушел из жизни в 31 год после трехлетней борьбы с лейкемией, оставил двухлетнего сына и восьмилетнюю дочь.) Сегодня сыну - 30, дочери - 36. Дед Борис гордился тремя внуками, а со старшей, трехлетней Шани, катался на аттракционах в «Суперленде» за три дня до стремительного ухода... Как нам повезло, что мы сумели отпраздновать твое 90-летие, папа! В нарядном зале с твоей любимой музыкой.

И был букет из 90 красных роз и одной белой. Ты танцевал с нами,

София Кучук – Литманович,
дочь Бориса Литмановича

«Хорошо хоть, что мы с тобой
съездили пару раз за границу. Одна из поездок была по
тем лагерям и тюрьмам Европы, с которыми ты знакомил-
ся не как турист в страшные
годы войны. Германия, Бель-
гия, Голландия и твоя лю-
бимая Франция. А в Италию,
прости, не успели...»

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

«Не печалься,
что фамилию меняем,
Все равно на поколений
вперед
Важно то, что мы себе
не изменяем,
Продолжая
твой почтенный род»

поднимал бокал и произносил тосты, не зная, что осталось два, только два месяца. Той, девяносто первой, белой, розе суждено было лечь на холодный гранит. Низкий поклон Иде, женщине, которая была рядом с папой 15 лет, даря ему радость и вселяя оптимизм, подставляя плечо и верные руки. Мои дети поклялись, что их внуки и правнуки будут знать и помнить о тебе, папа, родной ты наш, и навсегда живой.

*Любите, любуйтесь,
смотрите на нас,
пока еще здесь мы,
пока еще- с вами,
и неостекленность
живых наших глаз
ласкайте вниманием,
нежьте словами...
...спешиште узнать,
не гнушаясь бесед,
что в памяти нашей
о прошлом осталось:
Как звали прабабку
и кем был прадед,
вам в будущем станет
важна эта малость...*

Т. Сологуб. «Пожизненное завещание детям»

■■■

«МАЙН ШТЭТАЛЕ»

Гиль (Юрий) Кремер -
ведущий эту рубрику

Сара Зингер- поэт,
переводчик

Михаил Рашкован,
поэт

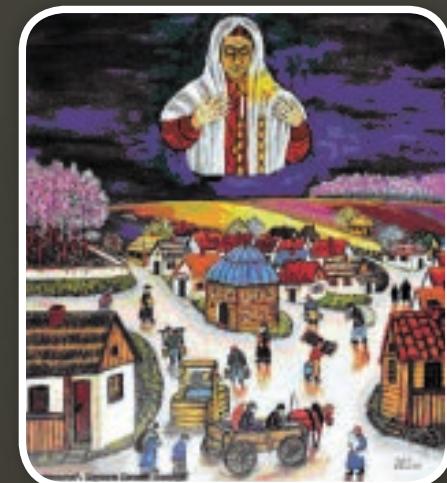

Не станем вспоминать названия еврейского местечка. Не станем ничего выдумывать. Расскажем о нем так, как это сделал Михаил Рашкован в своем цикле стихов о ремесленниках исчезнувших штэталэх. Михаил (автор знаменитого « Ответа Маргарите Алигер ») оживил еврейское местечко пятнадцатью стихотворениями о ремеслах, без которых была не мыслима жизнь еврейского поселения, Сара Зингер перевела все на идиш. А я, Гиль Кремер, положил все это на музыку и спел. Есть целый диск этих песен. Но разговор сейчас не о нем. А о том, как, погружаясь в мир этих песен, побывать в настоящем еврейском штэтале, ну, хотя бы в таком, в котором прошло детство Михаила.

Солнце послало первый свой лучик на верхушки деревьев в лесу, который подошел почти вплотную к спящему местечку. А само не спешило подниматься. Оно словно решило подождать, когда свершится одно маленькое обыкновенное чудо в домике на краю еврейского поселения. Именно туда сейчас направилась женщина... Как ее зовут? Разве это так важно? Важно другое. Важно, что в местечке есть много уважаемых профессий, жизненно необходимых всем: моель, шойхет, водовоз, сапожник, извозчик, керосинщик, лавочник, парикмахер, стекольщик, в конце концов...

Но все это – ремесла для мужчин. И только одно дело, которое как-то неволко называть таким прозаическим словом «ремесло», – досталось женщине. Вы уже поняли, о чем речь? Вы уже поняли, куда идет Малка? Вы хотите спросить: «Её, действительно, зовут Малка?» Ну хорошо, пусть не Малка, пусть Рахель, пусть Эсфирь. Конечно, дело не в имени. Но все – таки негоже совсем никак не называть женщину, которая идет, чтобы помочь совершиться чуду. Она не медлит, но и не суетится. Она полна достоинства и уверенности, что важнее ее дела - нет и никогда не было на свете. Когда она появляется в доме, все понимают, что чудо началось. И хотя солнце все еще медлит и не озаряет мир своим присутствием, становится ясно, что теперь уже скоро совершится рассвет, и дело, ради которого она пришла, обязательно закончится хорошо. Акушерка поможет роженице, ведь у нее по - настоящему святые руки, потому что только такими руками можно принимать появившегося на белый свет нового человека. Она сумеет унять боль будущей матери, она перережет пуповину, соединяющую ребенка с небытием, поможет новорожденному сделать первый вдох. Все услышат его долгожданный первый крик. И словно подтверждая, что чудо произошло, над еврейским местечком взойдет утреннее солнце. Малка сделала свое дело. Не Малка? Эстер? Так ли уж важно ее имя? В этом местечке – Рахель, в другом - Хава. Разве мало еврейских штэталэх, где так необходимо это самое древнее ремесло – ремесло акушерки? Ведь еще не грянула война. Еще не прозвучало зловещим взрывом проклятое слово Холокост. И мы еще расскажем вам о мирной тишине еврейского быта, о том, как жили и трудились наши предки в незабвенных родных своих местечках .

■■■

ПЕСНИ ПАМЯТЬ БЕРЕГУТ

БАБИЙ ЯР

В редакцию приходят письма с просьбой публиковать песни, в которых звучит память о погибших и выживших, о героях и неизвестных людях незабвенной военной поры. Мы намеренно не включаем в эту рубрику популярные, всем давно известные песни. Отдавая предпочтение новым публикациям, мы надеемся, что, возможно, именно так песня, рожденная в нашей стране нашими авторами, обретет своих исполнителей и слушателей.

Так рождалась эта песня.

На фото :
Леонид Брустинов.(Композитор. Преподаватель музыки. Талантливый исполнитель фортепианной музыки на многочисленных концертных сценах в разных городах Израиля.) И Тамара Сологуб-Кримонт.(Журналист. Автор текста.)

1. Война.

Сквозь Бабий яр
смертельной свастикой ползёт паучья тень.
Навсегда
взорвётся явь,
зря бабье лето обещает светлый день.
А над Яром в черном вихре облака,
бредит смертью простор,
болью памяти окрасился закат,
нет забвенья, нет покоя с этих пор.
Нет забвенья, нет покоя с этих пор!

Припев: Нет, не забудем,
Нет, не забудем!
Боль эта нам навсегда.
Как им хотелось,
жить, этим людям,
когда их вели в никуда.

Пусть пролетают
лет вереницы,
будем мы помнить всегда,
помнить глаза
и надежду на лицах
тех, кто ушёл в никуда.

2. Война.

Ушла война.
И дождик солнечный пролился людям в дар.
Ожил мир, пришла весна,
и новой зеленью покрылся Бабий яр.

А над Яром птицы белые летят
в голубой вышине,
светом памяти окрасился закат.
Только в душах нет забвения войне.
Только в душах нет забвения войне!

Припев:

3. Когда

земля больна,
страдает взрывами кровавых дележей,
значит вновь грозит война,
война - вина, война проклятье для людей.

Над Землей плывут в лазури облака,
Бабий яр в тишине.
А война не возвращается, пока
не забыты жертвы прожитой войны.
Не забыты жертвы прожитой войны!

Припев:

БАБИЙ ЯР

Сл. Т. Сологуб-Кримонт
Муз. Л. Брустинова

Andante doloroso

Soprano

4

Вой - на. Сквозь Ба-бий Яр смер-тель-ной
свас - ти - кой пол-зёт па - учь - я тень. На - всег - да взор-ва - лась

7

явь, зря бабь - е ле - то о - бе - ща - ло свет-лый день. А над

10

Я - ром в чёр-ном вих - ре об - ла - ка, бре-дит смер - - тью про -

13

стор, боль - ю па - мя - ти о - кра - сил - ся за - кат, нет за -

16

бвень - я, нет по - ко - я с э - тих пор. Нет за - бвень - я нет по - ко - я с э - тих

Tempo di marcia

19

пор! Нет, не за - бу - дем, нет, не за - бу - дем!
Пусть про - ле - та - ют лет ве - ре - ни - цы,

22

Боль э - та нам на - всег - да. Как им хо-те - лось,
бу - дем мы пом - нить все - гда, пом - нить гла - за и на

25

жить э - тим лю - дям, ко гда их ве - ли в ни - ку - да.
деж - ду на ли - цах тех, кто у - шёл в ни - ку - да.

На полках в тесных переплетах -
вулканы дремлющих страстей:
любовь людская, тайны, взлеты,
ложь жизни, искренность смертей.

При лунном, вечно тайном свете,
ко мне струящимся в ночи,
все чувства прожитых столетий
меня пронзают, как лучи.
Во мне, безвыходная, бродит
томлений смутных колобродь:
тоска необретенных Родин,
наследно въевшаяся в плоть.

Том.

БИБЛИОТЕКА

помощью меча, насилия или грубой силы — такие, как Амалек, Сисера, Сеннахераб, Навуходоносор, Тит, Адриан (добавим неизвестных Рамбаму инквизиторов, крестоносцев, Богдана Хмельницкого, Гитлера и Сталина). Это — один из двух типов людей, которые пытались обойти Б-жью волю. Второй тип состоит из самых разумных и образованных среди народов, таких, как сирийцы, персы, греки (добавим французских и немецких философов XVIII — XIX веков, марксистов с человеческим лицом и без оного). Они тоже пытаются отвергнуть наш Закон и лишить его силы с помощью аргументов, которые они изобретают, и через посредство диспутов, которые они навязывают».

Об этом же, согласно рабби Ицхаку Зильберу («Беседы о Торе, книга Берешит». Иерусалим, 1994 г.), говорится в Талмуде: ангел Эйсава, с которым Яаков боролся всю ночь и победил, представлялся ему то архизлодеем, пытавшимся его убить, то мягким мудрецом, пытавшимся уговорить Яакова оставить Б-га и Его заповеди, убеждавшего его, что иудаизм — это заблуждение, обман, и для своей же пользы и блага еврей должен от него избавиться.

Вот что говорит Любавичский Ребе, Рабби Менахем Мендель Шнеерсон, («Два испытания»): «На протяжении веков вера евреев подвергалась испытаниям. Они подразделяются на две категории: испытания нищетой и угнетением и испытания богатством и процветанием. Египет и Ассирия символизируют эти испытания. В Египте евреи были рабами. Ассирийский же царь Саннахераб переселил 10 колен Израиля в Ассирию, в страну Ашшура — в страну богатств и удовольствия. Он хотел, чтобы они забыли своего Б-га. Пророк Исаия называет уведенных Саннахерабом евреев «пропавшими», а евреев Египта он называет «заброшенными». Ассирийское изгнание было гораздо более опасным, попавшие туда евреи исчезали». Сбылись слова Моше (Дварим, 28:32): «Сыновья твои и дочери твои отданы другому народу».

Итак, антисемитизм вырос из отрицания иудаизма и проявлялся с самого начала в двух формах: жёсткой — в попытках физического уничтожения всех евреев-носителей иудаизма, именно её называют антисемитизмом, и в мягкой — в попытках увести евреев из иудаизма, уничтожить их духовно, поскольку иудаизм — это не просто религия, но образ жизни. Эта мягкая форма антисемитизма есть не что иное, как ассимиляция, хорошо известная каждому еврею моего «потерянного поколения». Приехав в Америку, Израиль, в другие страны или оставаясь в странах СНГ, те из нас, кто не сделали тшуву, не вернулись к Торе, становились, упаси Б-г, «пропавшими». Их ожидает судьба 10 колен Израиля в Ассирии.

6.3. Попытки объяснить антисемитизм, не прибегая к религии

Сказал Б-г Аврааму: «Знать ты должен, что пришельцами будут потомки твои

Не первым был завет у речки Мерры
и не последним у горы Синай,
но поколению каждому для веры
свой грех, свои раскаянья подай.

Слаб человек. Прости нас,
Б-же Сильный,
не гневайся, не насылай нам бед!
Куда бы нас грехи ни заносили,
мы через них к Тебе идём. К Тебе.

(«Исход». И.С.)

ДЖОНС АДАМС

(Второй президент США. Aish Ha Torah Publications. Jerusalem 1988)

«Евреи сделали для воспитания людей больше, чем любая другая нация». «Они – наиболее славная нация из когда-либо населяющих Землю...

Они дали религию трем четвертям Земного шара и оказали на жизнь человечества влияние большее и более благотворительное, чем любой другой народ, древний или современный»

в чужой стране и будут рабами, и будут их угнетать...» (Берешит, 15:13).

И исполнились эти слова уже в поколении праправнуров Авраама. Отчуждение евреев наступило сразу, как только спустился Яаков, внук Авраама, с домом своим в Египет. Стали они пастухами, ибо «отвратителен для египтянина всякий пастух» (Берешит, 46:34). А затем пришло и рабство, и мученичество, когда столкнулись евреи впервые с государственным антисемитизмом. Это случилось, когда «возвысился над Египтом новый царь» (Шмот, 1:8). Не знал он ни уже умершего Йосефа, бывшего в Египте вторым после фараона, ни его потомков. Не знал он ничего о евреях, однако, возненавидел их с первой минуты и даже придумал объяснение своей ненависти. «Вот народ сынов Израиля многочисленнее и сильнее нас, — сказал он слугам своим. — Давайте ухитимся против него» (Шмот, 1:9–10).

И ухитился, и с помощью «коммунистических» воскресников (о чём рассказывает в Мидрашах), обратил евреев в рабов и жестоко угнетал их. И эта, продемонстрированная фараоном беспринципная злоба и ненависть к евреям, сопровождает нас на протяжении всей истории. Откуда эта ненависть фараона? «Так устроен мир», — приводил я уже слова Шимона бар Йохая. Не всех, очевидно, эта простая констатация факта может удовлетворить несмотря на слова Б-га, сказанные пророку Исаие (55:9): «Как небо выше земли, так и пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои — мыслей ваших». Предпринимались и продолжают приниматься многочисленные попытки дать чисто рациональное объяснение антисемитизму без каких-либо ссылок на иудаизм, и тем самым «деиудизировать антисемитизм», как назвали их Д.Прейгер и Д.Телушкин («Почему евреи? О причинах антисемитизма». Сант-Петербург, 1992 г.). Рассмотрим основные из них.

«Антисемитизм характеризуется отношением, словами и/или действиями, выражаящими ненависть и презрение к евреям, как таковым», — утверждает уже упоминавшийся христианский священник Эдвард Х. Фланнери («Муки евреев»).

«Антисемитизм, по-моему, реакция на непохожесть, необычность евреев, на их фанатизм, как виделось со стороны, в отстаивании, оберегании своей веры, своих обычаев, своего образа жизни, реакция на их взаимовыручку, взаимную поддержку, необходимые для выживания народа во враждебных условиях. Это, как мне кажется, самая общая, уходящая в древность причина», — утверждает А.А.Бовин в книге «Записки ненастоящего посла», Москва, 2001 г. Там же читаем: «Антисемитизм характерен для лумпенизированной маргинальной части общества, а также для политиков, чей умственный потолок не может подняться выше заговора... Слышу возглас: «А Шафаревич?» (математик, член-корр. Академии наук, автор знаменитой «Русофобии», Москва, 1991 г.). Отвечаю: «Шафаревич — постыдное для русской, российской, советской

БИБЛИОТЕКА

интеллигентии исключение». [А книга А.И.Солженицына «Двести лет вместе», — задаю я вопрос Александру Бовину. Жаль, он не слышит меня. О Гоголе, Достоевском и Солженицыне поговорим в девятом разделе].

«Антисемитизм, — утверждает рабби Меир Кахане («Никогда больше», Иерусалим, 1988 г.), — неотъемлемая особенность общества, в котором мы живём и объясняется это целым букетом причин: завистью, конкуренцией, шовинизмом, религиозной пропагандой и, наконец, просто иррациональностью человеческого мышления».

В 1883 году писатель Николай Лесков утверждал в статье «Еврей в России»: Вникая во всякое дело, обнаруживал (еврей) способность взять его в руки и «эксплуатировать», т.е. получить с него возможно большую долю нравственной и денежной пользы... Эта (его) способность подействовала самым неприятным образом на всё, что неблагосклонно относится к конкуренции, и исторгся крик негодования из завистливой гортани: «Пусть жид будет по-прежнему как можно более изолирован, пусть он дохнет в определённой (ему) черте (оседлости) и, даже получив высшее образование, бьётся в обидных ограничениях, которых чем больше, тем лучше.» Спустя 36 лет, уже после революции писал М.Горький в 1919 году, вторя Лескову: «Снова в душе русского человека назревает гнойный нарыв зависти и ненависти бездельников и лентяев к евреям — народу живому, деятельному, который потому и обгоняет тяжёлого русского человека на всех путях жизни, что умеет и любит работать». Марк Твен на другом краю света был того же мнения: «Еврейский успех — простой результат того, что евреи хорошие граждане, хорошие семьянины, интеллигентны и поглощены работой. Среди них нет преступников и пьяниц» — (Mark Twain «Yes, honest in business»).

Прав Теодор Герцель: «Не за реальные или выдуманные грехи и пороки ненавидят евреев — евреев ненавидят за их достоинства». «Страшны, конечно, не пороки евреев; кому опасны пороки? В пороках сам стнёшь. Страшны их (евреев) колоссальные исторические и социальные добродетели. Вот, что мне жжёт душу. Не могу никуда уйти от этого жжения», — признавался в 1912 году известный юдофоб В.В.Розанов в письме к М.О.Гершензону.

Мы гордимся, что среди евреев много знаменитостей, антисемитизм приходит в ярость, что среди знаменитостей много евреев. Да и как может быть иначе, если «они (евреи) в любой стране в меньшинстве, но в каждой отрасли в большинстве. Взять физику — в большинстве, взять шахматы — в большинстве. Взять науку — в большинстве...» (Михаил Жванецкий). Воистину «Б-га мы сердим нашими грехами, людей — достоинствами».

Материал из интернет-рассылок Эдуарда Мастава.

Продолжение читайте в №7.

Не зная, что дышать так сладко,
дышу невидимым, но сущим,
неоцененным — от достатка,
от щедрости, всегда дающей.

Не обозначу чётким словом,
не ограничу очертаньем,
не объясню себе толково
всё то, что остаётся тайной,

вообразжу, что жизнь случилась
сама собой без проведения,
без вольной милости от силы,
меня питавшей ежедневно.

И лишь в безверье задохнувшись,
душой прозрею и однажды
в Тебя поверю, Всемогущий,
и веры истинной возжажду.

Т. К.

Редакция считает, что в журнале имеют право появиться статьи любой концепции, отражающие различные взгляды на проблему, даже те, которые не совпадают с направлением журнала или с общепринятыми представлениями по этому вопросу. Мы надеемся, что статья Сары заинтересует читателей, и они откликнутся на нее, соглашаясь или опровергая ее позиции.

1. НАШ ОТВЕТ ГИТЛЕРУ

(Продолжение. Начало в журнале № 5)

« Откроем вечные страницы Торы и найдем там прародителя антисемитов всех времен и народов – амалека. В тот день, когда он напал на нас, мы шли по пустыне из Египта в Землю Кнаан. Божественное Присутствие в столбе огненном и облачном защищало нас. Племя амалека жило далеко от тех мест, где пролегала наша дорога, мы никак не затронули его, но это не помешало племени проделать тяжелый путь, чтобы напасть на нас. Но на кого? Ведь мы шли между двумя столбами Божественного присутствия! Однако были евреи, которые шли позади. Это были люди с ослабевшей верой. Их амалек и перебил. Племя амалека не искало для себя никакой выгоды, им не нужен был повод, чтобы напасть на нас, они не дорожили своей жизнью и готовы были на смерть, чтобы навредить нам. Мудрецы сравнивают их с бешеным псом. Силу им придает наша слабость веры.

Однако есть в человеке нечто, что не поддается никакой злой силе и ее власти, это – совесть. И гитлер, да сотрется его имя, ненавидел евреев за «химеру совести», мечтал освободить от нее человечество. Его

бесило, что евреи научили человечество состраданию к слабым и больным, ведь это было именно тем, против чего он был бессилен.

Однажды на уроке Торы возник вопрос: «Почему события Пурима, победа над врагами, описанная в Могилат Эстер, стали религиозным национальным праздником, а разгром фашистов – нет?» Ответ был такой: «События Пурима привели к полной тшуве (возвращение на путь Торы) народа, а во Второй Мировой войне всё произошло наоборот – многие потеряли веру. В итоге фашизм не был побежден окончательно, что мы и видим сегодня».

Память о прошлом, конечно, нужно хранить. Но она нужна, по-моему, именно для того, чтобы сделать из нее выводы на будущее. Тот, кто сегодня живет в стороне от Торы и от заповедей, обрекает себя на беззащитность, оставляет детей без опоры в Боге, без веры, наедине со зверолюдьми, подвергает опасности весь наш народ, ведь антисемитизм поднимается против нас всех. Сегодня у нас нет пророков, и никто не скажет наверняка, почему у конкретного человека так или иначе сложилась судьба. Но ради настоящего и будущего мы должны принять мысль, что Творец справедлив, и хоть сегодня Его воля не понятна для нас, настанет время, и мы увидим, что все – к лучшему. Важно не жить у прошлого в плену, а сосредоточиться на заботе о душах дорогих нам людей, ушедших в мир иной... Они нуждаются лишь в том, чтобы мы в память о них, соблюдая заповеди, молились и совершали добрые дела, заботясь одновременно о живых, о детях наших, и о своих душах тоже. То есть, стали бы настоящими евреями по образу жизни. Бессмысленно сводить память об ушедших к установке дорогих памятников и к тяжелым воспоминаниям. Ведь, в сущности, отчего страдает тот, кто потерял родных? От мысли, что их уже нет в живых? Но ведь это – ложь! Человек – это душа, а душа жива и после смерти. Разлука тяжела, но главное, что они – живы! ...

Вопрос – живы ли мы! Если у нас нет связи с Творцом. Даже самый слабый человек может внести вклад в дело мира. Для этого не нужны политики, деньги, власть.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

учиться понимать и принимать других, какие они есть, делать добро, не ожидая благодарности.

Нами должна руководить мысль «Будет ли нам хорошо?» вместо «Будет ли мне хорошо?» Это высокая планка, и она достижима. Есть множество ситуаций, которые в силу привычек, сложившихся в быту, кажутся нам вполне нормальными, несмотря на то, что они вызывают гнев Творца и придают силы нашим врагам...

Мы заблудились и потерялись. Пока еще есть время вернуться, надо спешить! Мы должны доказать свое еврейство всей своей жизнью, и обретем жизнь и мир. Это наш ответ гитлеру.

Каждый из нас подобен бесконечно значимой величине, как в реакции ядерного синтеза: пока не хватает одной пылинки до критической массы, ничего не происходит, но стоит ей появиться, начинается ядерная реакция с выделением гигантского количества света и тепла

Сара Това Кунин

2. «ВСЕ ЛИ Я СДЕЛАЛА?...»

РАИСА ЯНКЕЛЕВИЧ, поэт, член творческого объединения «Феникс»

За делами и заботами я не заметила, как прошёл ёще один день, и только к вечеру вспомнила о журнале.

На глянцевой бумаге – лица, еврейские лица, их палачи и свидетели страшной трагедии. Фотографии останков человеческих тел леденят кровь. Места убийств людей, колючая проволока концлагерей преграждает дорогу разуму. Я читаю строки из стихов известных и неизвестных поэтов о Холокосте. Ещё и ёщё раз перечитываю факты уничтожения евреев в гетто, на которые нельзя закрыть глаза.

Капли за каплей попадают в мои вены рассказы очевидцев, переживших Холокост, попадают, как наркотик, без которого память моя не может существовать. Этого не должно было быть! Никогда! Но - это было.

Люди, которые издают журнал «Судьбы Холокоста», я думаю, не спят ночами. Они не могут спать, прикасаясь к судьбам тех, сожжённых в печах крематориев, задущенных в газовых камерах, тех, на которых проводились опыты, которых убивали только за то, что они – евреи.

Прочтешь журнал и, кажется, что и твоя жизнь висит на волоске. Создатели журнала – мужественные люди. Они отдают свои силы на увековечивание памяти погибших и выживших в Холокосте, разоблачают нацистских преступников, рассказывают о Праведниках Мира. Журнал красочный. Но вы не найдете успокоения, читая его страницы. Краски журнала ёще больше сгущают воздух, которым мы дышим. Вспоминаем своих родных, близких, расстрелянных, замученных в жестокой войне. И как только выжили наши родители?

Личная встреча с Людмилой Барановской, руководителем проекта «Судьбы Холокоста», подтолкнула меня всерьез задуматься над тем, все ли я сделала для увековечивания памяти жертв Холокоста? Нет, не всё.

Список с именами детей и старииков, мужчин и женщин передала в Музей Катастрофы европейского еврейства «Яд ва Шем». Кто сказал, что погибли 6 миллионов евреев?

Жертв гораздо больше... Ведь то, что знает о Холокосте наша семья, еще многим и многим неведомо.

3. БЛАГОДАРНОСТЬ ИЗ АМЕРИКИ.

ЛЕОНОР БЕЛЛ, директор библиотеки в Музее Холокоста.

Дорогая миссис Барановская, я хочу поблагодарить Вас за Ваш журнал «Судьбы Холокоста» от имени Американского Мемориального музея.

Мудрецы предупреждали нас, что если нас не объединяет кровь, которая течет в жилах, то объединит кровь, текущая из жил.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Ваш вклад обогатил музейную коллекцию материалов об истории Холокоста. Исследователи и ученые вне сомнения извлекут пользу из ваших журналов. Мы прилагаем огромные старания, чтобы увеличить доступ к материалам о Холокосте, поэтому мы ценим вклады, как Ваш, так как это помогает нашей миссии. И еще раз спасибо, что вы прислали Ваши журналы в нашу библиотеку.

4. КОГДА ГОВОРЯТ ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ.

Инна Горина, учитель английского языка.

...Тема, которая поднимается в журнале «Судьбы Холокоста», сегодня настолько актуальна, что трудно переоценить необходимость выхода в свет этого органа печати. Воспоминания свидетелей трагического периода в судьбе еврейского народа тем более ценные и уникальны, чем дальше уносит нас время от тех ужасных событий. Непреходящая ценность журнала именно в том и состоит, что в нем говорят – живые свидетели. С фотографий на читателя смотрят лица погибших и тех, кому посчастливилось выжить в Катастрофе. И те и другие – свидетели. Наш гражданский и человеческий долг – выслушать их, понять, запомнить все, и самое главное – донести эти свидетельства до тех, кто еще только вступает в общественное течение жизни. Молодые должны знать не только о жертвах нацистского ада, но и о том героическом сопротивлении, которое не прекращалось на протяжении всего ужасного периода Холокоста.

Желаю автору, руководителю проекта «Судьбы Холокоста», Людмиле Барановской, и ее помощникам успехов в создании следующих новых номеров журнала.

5. ЕВГЕНИЙ КОВАЛЕРЧИК, автор литературных сборников прозы и поэзии.

«ПЛАНЕТА ЕВРЕЙСКОЙ СКОРБИ» -

Так я бы назвал этот журнал. Только человек, знакомый с практикой благотворительности, может понять, оценить и прочувствовать, сколько усилий, настойчивости, сколько затрат своих, более чем скромных, доходов уходит на создание почти в одиночку этого журнала, этого поистине – памятника жертвам Холокоста.

Сколько нужно мужества и сил, чтобы ходить «с протянутой рукой» по разным кабинетам толстосумов и начальников разного уровня, встречая лишь вежливые отказы или, что еще хуже, пустые обещания. А время летит. Летят годы. Наши годы. И кажется, уже стираются, слабнут ощущения той остройшей скорби, названной трагедией ШОА. Но страницы журнала «Судьбы Холокоста», берегут дыхание того времени, ведь на них – крик душ, воспоминания о чьей-то жизни, воспоминание, пронизанное ничем и никогда не заглушаемой болью. Она пробуждает в душе читателя сопреживание и воспоминания о своей жизни:

... «Решение бежать в Рогачев было принято в один из первых дней войны, немедленно после падения авиабомбы во двор нашего дома. На уходе из Бобруйска настаивал дед-полиглот, знаяший из тайного прослушивания эфира ужасное положение евреев Европы, скрываемое Кремлем. Пешком мы преодолели 55 километров. В память летят огромные черные птицы с крестами, от которых надо было прятаться в кустах. Отец, имея звание младшего лейтенанта, сдал нас, детей, матери и ушел в военкомат. Больше мы ничего и никогда о нем не узнали. Бронированный немецкий кулак в счи-танные часы раздавил неорганизованные, пло-

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

хо вооруженные группки защитников города, среди которых был и наш отец. Мы были обречены на верную гибель. Неугомонный дедушка буквально прилип к вокзальчику, он сообщил о дымящемся паровозике. Мы мигом загрузились в вагон, полный навоза, понадеялся на чудо. И чудо произошло! От голода не умерли благодаря остаткам гречневой каши из солдатских котелков. Ее вымаливали мама и бабушка у красноармейцев из проходящих эшелонов. До седых волос помнится ее, каши, вкус» Вдумываюсь в журнальные строки, в пронзительные исповеди, в строки, влажные от слез... И сам не скрываю их...

6. КАФЕ

1. В те годы, Германия еще была разделена надвое стеной, существовали ГДР и ФРГ. Наши мужья в составе советских войск служили в восточной части Германии. Мы жили в закрытом военном городке недалеко от Берлина - в Ориененбурге. Жены военнослужащих имели право ездить в Берлин, гулять по Ориененбургу. Надо было только вовремя вернуться в городок. В России я преподавала немецкий в школе. Но здесь первое время неохотно и редко выходила в городок. Я никак не могла привыкнуть к тому, что на чистеньких каменных тротуарах Ориененбурга мне то и дело приходилось сталкиваться взглядом со старичками, у которых на рукаве была повязка, означающая, что они - инвалиды войны. Они постукивали тростями с богатыми набалдашниками или проворно управляли легкими, удобными инвалидными колясками. Они были чистенькие, ухоженные, розовощекие, эдакие седенькие ангелочки с выцветшими глазами на бодреньких лицах. А меня неизменно пронзала мысль: «Не этот ли? Не этот ли в 41-ом на пороге местечкового домика пристрелил мимоходом моих сорокалетних бабушку и дедушку? Я ничего не могла с собой поделать. Это мучило меня. И я редко выходила за проходную. Иногда замполит устраивал для офицеров и их семей экскурсии по ознакомлению со страной. Стандартный набор: Лейпциг - Дрезденская галерея - Цвингер, Восточный Берлин - обзорная, и музей- концлагерь Заксенхаузен.

Это было в марте.

За ночь снега выпало столько, что завалило все тротуары и дороги, снегоочистители не справлялись. И замполит даже стал сомневаться: не отложить ли на этот раз экскурсию в Заксенхаузен. Но потом все-таки понадеялся на традиционный немецкий порядок: «Не может быть, чтобы из-за завалов снега музей не открылся в положенное время». И мы поехали. Музей работал. Но посетителей было совсем мало. Наш автобус остался за воротами лагеря, а мы гуськом прошли за экскурсоводом по прочищенной в снегу узкой дорожке через огромный плац к баракным постройкам.

«Заксенхаузен сегодня опустевший:
то ли праздник, то ли выходной...

Плац в сугробах. Снег - пожухлый веший,
в рытвинах - тяжелый и больной».

Эти строки сложились так естественно и быстро, что я не успела их даже записать, только прошептала их Галине, женщине, с которой успела подружить в одиноких буднях военного городка.

Чувствовала я себя отвратительно: промозглый мокрый ветер, низкое небо, три виселицы позякивающие железом на ветру... Меня раздражал профессионально трагический и, тем не менее, бодренький голос экскурсовода... Я начала жалеть, что вообще согласилась на эту экскурсию:

«Посещать с экскурсоводом лагерь смерти?
Этот стадный способ мне претит.

Я одна. Хожу... И скорбно вертит
время предо мной свои пути».

То, что я увидела... Это не рассказывать, это нужно видеть самому. Горы состриженных волос, огромные фотографии детей, женщин, стариков, военнопленных, снятых непосредственно перед уничтожением. Орудия пыток, лаборатории, печи, где сжигали людей, рвы, где расстреливали, плац, где травили узников собаками, выставки сумочек, абажуров, перчаток и тому подобных изделий из человеческой кожи, причем, особенно ценилась кожа с татуировкой...

Я оставила группу и вышла из барака на плац. Оказалось, что на улице опять повалил снег. Мокрый, тяжелыми хлопьями он быстро замел тропинку, по которой пару часов назад мы пропотели к зданиям лагеря. Но немцы - есть немцы! Они тут же, пока экскурсия еще не закончилась, вызвали на подмогу молодых немецких солдат (Возможно из охраны музея) и организовали расчистку тропы деревянными лопатами от бараков - к выходу. То, что произошло со мной потом, я не могу вспоминать без внутреннего напряжения до сих пор, хотя прошло много лет:

Вывеска над воротами лагеря.
Фраза стала нарицательной

ЗАКСЕНХАУЗЕН
Трасса для испытания обуви

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Б. Ш. ОКУДЖАВА

Над площадью базарной
Вечерний дым разлит.
Мелодией азартной
Весь город с толку сбит.
Еврей скрипит
на скрипичке
О собственной судьбе,
И я тянусь на цыпочки
И плачу о себе... Какое
милосердие
Являет каждый звук,
А каково усердие
Лица, души и рук,
Как плавно, по-хорошему
Из тьмы исходит свет,
Да вот беда, от прошлого
Никак спасенья нет

«От барака по прочищенной тропинке
я иду... Колотит сердце в грудь,
А солдаты в новеньких ботинках,
балагурят и дают мне путь.
Отступили, в снег воткнув лопаты...
Но пройти сквозь этот странный строй?
...пусть в руках у них не автоматы...
Господи! Как я хочу домой...»

Галина догнала меня уже за воротами. Меня знобило. Галка моя тоже молча вытирала распухшие глаза. Мы решили, что больше не вернемся в музей, Пождем свою группу...

- Смотри! Вон кафе, совсем рядом. Пошли.- Гала потянула меня за мокрый рукав. Было так естественно, что рядом с музеем- кафе. И было совершенно дико, что рядом с концлагерем - кафе. Внутри пахло свежей сдобы. Тепло и пусто, только за одним столиком лицом к нам сидела немолодая немка, худощавая, интеллигентная, с умными, живыми глазами.

- Знаешь, что поразительно, - совсем не понижая голоса, угрюмо сказала Галина, глотнув кофе и облегченно вздохнув,- поразительно, что концлагерь этот - прямо в центре города. Представляешь? Вот бетонная ограда с колючей проволокой, а рядом - коттеджи!!! Да? А, как, скажи ты мне, там люди жили? Как они жили, когда рядом за забором людей сжигали - тысячи!

Я посмотрела на женщину, сидящую за ближним столиком, встретилась с ней взглядом, и мне показалось, что она поняла, о чем мы говорим. В ее серых глазах вспыхнул немой протест... И тут же она опустила глаза.

Ораниенбург 1971г.

Заксенхаузен - в центре города...

Фрау, что Вы! Не прячьте глаз!

Вы же немка, фрау, Вы - гордая,
я винить Вас, фрау,
не вправе.

Мы - ровесницы, фрау, вина - не в вас.

Мне показалось, что она все поняла и даже хотела возразить нам, что они ничего не знали. Что все было покрыто тайной.

- Галл, говори тише, кажется, эта женщина живет где-то тут поблизости, в этих самых коттеджах. И, по-моему, она поняла, о чем ты...

В центре города -

Заксенхаузен,
в центре города - смерти хаос,
проводкой огорожен,
бетонной оградой,
тайной, фрау? А может,
просто прятать глаза не надо?

Прочнее бетона - страха ограда...

Вы были «мэдхен»*, Вы жили - рядом,
я, фрау, судить Вас не вправе:
нана, фрау, у Вас приличный,
не фашист, а бюргер обычный,
он растял Вас в коттеджике личном...
В субботу - «айн бир»**, маргарин - эрзац...
Фрау, что Вы! Не прячьте глаз!

- А что я сказала не так? - подруга все-таки понизила голос, но не перестала смотреть на немку, словно говорила не мне, а ей, - что я сказала не то? Ты веришь, что они ничего не знали?

Заксенхаузен - в центре города,

Заксенхаузен - в сердце города

кровью запёкся, тромбиком...

Как же по венам домиков
кровь Ваших жизней текла? Фрау!
Я судить вас не вправе?

Женщина, казалось, слушала наш разговор плечами, головой, ушедшей в острые плечи, нервными тонкими пальцами рук, лежащих на столе. Но она больше не поднимала на нас глаза.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

По соседству у Вас – Заксенхаузен.
В сердце города – Заксенхаузен.
Фрау, город был страшно болен,
был в беспамятстве, был безволен,
он на карте военной горячки
слыл в инфаркте, немой и незрячий...
Сердце города было во власти
«скорой помощи» с черной свастикой.

Ваше сердце травили, терзали,
это сердце душили, сжигали,
а вы – не знали...
Экспериментировали санитары,
а вы – молчали...
Не все и не Вы, фрау, лично –
ваши папы в коттеджах приличных.

* медхен (нем.) – девочка.

** айн бир (нем) – порция пива.

Она сидела, не шевелясь. Бармен предложил ей счет. Она расплатилась, выделила официанту чаевые, но не встала и не ушла.

ПРОШЛО 20 лет.

Однажды мне позвонила Галина. Она прожила со своим мужем в Германии 15 лет. Потом вернулась в Россию. А я жила в Узбекистане.

- Ты помнишь ту женщину в кафе около Заксенхаузена?

- Да.

- Ты знаешь? Я хочу тебе сказать...

- Я знаю, что ты хочешь сказать...

И я прочла ей свои новые стихи:

СНГ – 1991 г.

Где теперь Вы, стыдливая фрау?
Не молчите, не прячьте глаз!
Я судить Вас, фрау, не вправе,
ведь у нас было всё, как у Вас:

Наши души травили, терзали,
наши души душили, сжигали,
а мы – не знали...
«Воронки» скрежетали ночами,
а мы – молчали...
Все молчали.
И я, фрау, лично,
и мой папа, – товарищ обычный...

Было всё так надёжно привычно,
Тихо – мирно и очень прилично.
Так и жили, как будто – нормально:
флаги, планы, марксизм-ленинизм,
анекдотов ехидный цинизм
и холуйские фиги в кармане...
Пели гимны!... Не прячьте глаз,
фрау!

Я судить Вас – не вправе,
я ужасно похожа на Вас.

- Все правильно, – печально сказала моя Галина. За все, что происходит с нами и вокруг нас, мы в ответе. Потому что НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ.
А я добавила: «И нельзя забывать».

Т. Гринис

Ф. А. ИСКАНДЕР

Ветхозаветные пустыни,

Где жизнь и смерть – на волоске.

Ещё кочуют бедуины.

Израиль строит на песке.

Он строит, строит без оглядки.

Но вот прошли невдалеке –

Как хрупки девушки-солдатки!

Израиль строит на песке.

Грозят хамсин или арабы,

Зажав гранату в кулаке.

О чём, поклонники Каабы?

Израиль строит на песке.

Крик мюэдзина, глас раввина

Сливаются на ветерке.

Какая пестрая картина!

Израиль строит на песке.

Где проходили караваны,

Вздымая пух из-под копыт,

Взлетают пальмы, как фонтаны,

И рукотворный лес шумит.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

По соседству у Вас – Заксенхаузен.
В сердце города – Заксенхаузен.
Фрау, город был страшно болен,
был в беспамятстве, был безволен,
он на карте военной горячки
слыл в инфаркте, немой и незрячий...
Сердце города было во власти
«скорой помощи» с черной свастикой.

Ваше сердце травили, терзали,
это сердце душили, сжигали,
а вы – не знали...
Экспериментировали санитары,
а вы – молчали...
Не все и не Вы, фрау, лично –
ваши папы в коттеджах приличных.

* медхен (нем.) – девочка.

** айн бир (нем) – порция пива.

Она сидела, не шевелясь. Бармен предложил ей счет. Она расплатилась, выделила официанту чаевые, но не встала и не ушла.

ПРОШЛО 20 лет.

Однажды мне позвонила Галина. Она прожила со своим мужем в Германии 15 лет. Потом вернулась в Россию. А я жила в Узбекистане.

- Ты помнишь ту женщину в кафе около Заксенхаузена?

- Да.

- Ты знаешь? Я хочу тебе сказать...

- Я знаю, что ты хочешь сказать...

И я прочла ей свои новые стихи:

СНГ – 1991 г.

Где теперь Вы, стыдливая фрау?
Не молчите, не прячьте глаз!
Я судить Вас, фрау, не вправе,
ведь у нас было всё, как у Вас:

Наши души травили, терзали,
наши души душили, сжигали,
а мы – не знали...
«Воронки» скрежетали ночами,
а мы – молчали...
Все молчали.
И я, фрау, лично,
и мой папа, – товарищ обычный...

Было всё так надёжно привычно,
Тихо – мирно и очень прилично.
Так и жили, как будто – нормально:
флаги, планы, марксизм-ленинизм,
анекдотов ехидный цинизм
и холуйские фиги в кармане...
Пели гимны!... Не прячьте глаз,
фрау!

Я судить Вас – не вправе,
я ужасно похожа на Вас.

- Все правильно, – печально сказала моя Галина. За все, что происходит с нами и вокруг нас, мы в ответе. Потому что НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ.
А я добавила: «И нельзя забывать».

Т. Гринис

Э.Ф.Рязанов

Ветхозаветные пустыни,
Где жизнь и смерть – на волоске.

Ещё кочуют бедуины.

Израиль строит на песке.

Он строит, строит без оглядки.
Но вот прошли невдалеке –
Как хрупки девушки-солдатки!

Израиль строит на песке.

Грозят хамсин или арабы,
Зажав гранату в кулаке.
О чём, поклонники Каабы?
Израиль строит на песке.

DESTINY OF THE HOLOCAUST

גורל השואה

גורל השואה

СУДЬБЫ ХОЛОКОСТА

- ПАМЯТЬ
- ПРАВЕДНИКИ МИРА
- СУДЬБЫ
- ДЕТИ ХОЛОКОСТА
- ДНЮ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ
- ГЕРОИЗМ
- «МАЙН ШТЭТАЛЕ»
- ПЕСНИ ПАМЯТЬ БЕРЕГУТ
- БИБЛИОТЕКА
- ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

לנזה זדע-זבי הילזונ-הילזון
לעוזה זדע-זבי הילזונ-הילזון